ЗАПИСКИ ТАЛЛЕРАНА.

IV.

ЗАПИСКИ

КНЯЗЯ

ТАЛЛЕРАНА-ПЕРИГОРА,

БЫВШАГО ЕПИСКОПА ОТЁНСКАГО,

ЧЛЕНА НАЦІОНАЛЬНАГО СОБРАНІЯ, МИНИСТРА, ПОСЛАННИКА, ВЛАДѢТЕЛЬНАГО КНЯЗЯ БЕНЕВЕНТСКАГО, ВИЦЕ-ВЕЛИКАГО ИЗБИРАТЕЛЯ и ОБЕРЪ КАМЕРГЕРА ИМПЕРІИ, СЕНАТОРА, КНЯЗЯ, ПЕРА, ОБЕРЪ КАМЕРГЕРА ФРАНЦІИ, КАВАЛЕРА ОРДЕНОВЪ: СВ. ДУХА, ЗОЛОТАГО РУНА, БОЛЬШАГО ОРЛА, ПОЧЕТНАГО ЛЕГІОНА и проч.

—

СОБРАННЫЯ И ИЗДАННЫЯ

ГРАФИНЕЮ О....,дю К....

СОЧИНИТЕЛЬНИЦЕЮ ЗАПИСОКЪ ОДНОЙ ЗНАТНОЙ ДАМЫ.

Переводъ съ Французскаго.

ЧАСТЬ IV.

Tempori aptari decet.
(Сенека. Медея).

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЛАЗАРЕВЫХЪ ИНСТИТУТА ВОСТОЧНЫХЪ ЯЗЫКОВЪ.

1841.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Генваря 23 дня, 1841 года.

Ценсоръ Н. Крыловъ.

Изданіе книгопродавца К. И. Шамова.

ЗАПИСКИ

князя

ТАЛЛЕРАНА-ПЕРИГОРА.

ГЛАВА I.

Причины моего отъѣзда на Вѣнскій конгрессъ.—Упадокъ Барона В.—Кто находился въ Вѣнѣ въ 1814 и 1815.—Имена главнѣйшихъ особъ.—Свиданіе съ Принцемъ Е.—Я уничтожаю надежды на возвращеніе Наполеона.—Испугъ Конгресса при высадкѣ Бонапарте.—Я препятствую раз дѣленію Конгресса.—Прокламація 13 Марта.—Король въ Гентѣ.—Интриги.—Шатобріанъ.—Фуше.—Я въ немилости.—Брошюрка Герцога Р.—Л.—Портретъ I. Ж. В.—Его ошибки и дарованія.

Хотя Бурбоны и признали всю важность оказанныхъ имъ мною услугъ, но вскорѣ употреблены были всѣ средства удалить меня.—Въ Тюильри только о томъ и говорили, что мнѣ должно поручить стараніе о выгодахъ Франціи на Вѣнскомъ конгрессѣ. — Любимецъ Короля, Г.

де В.... ненавидѣлъ меня; я не могъ долго сопротивляться его вліянію и отправился въ Вѣну представителемъ Франціи.

Едва ли когда нибудь въ новѣйшія времена видѣли собраніе стольких знаменитыхъ особъ, какъ на Вѣнскомъ Конгрессѣ. — На немъ находились два Императора: Россійскій и Австрійскій; четыре Короля: Баварскій, Датскій, Прусскій и Виртембергскій; владѣтельные Князья Ангальтъ Дессаускій, Аремберскій, Базельскій, Брунсвикъ-Эльскій, Фюрстенбергскій съ своей падчерицей, Гессенъ Дармштадтскій, Гессенъ Филипштадтскій, Гессенъ Гомбургскій, Гессенъ Ротенбургскій, Гоенцоллернъ-Гехингенскій, Гоенцоллернъ-Сихмарингенскій, Гольштейнъ Экскій, владѣтельная Княгиня Гезенбургская, Князья Ловенштейнскій, Мекленбургъ Стрелицкій, Нассау - Вейльбургскій, Герцогиня Ольденбургская и др. Принцъ Евгеній и всѣ семейства владѣтельныхъ особъ.— Присоедините къ этому министровъ и посланниковъ почти всѣхъ Державъ — Рима, Франціи, Испаніи, Неаполя, Тосканы, Пармы, Сардиніи, Женевы, Баваріи, Голландіи, Саксоніи, Англіи и вы получите понятіе объ этомъ Конгрессѣ. — Сверхъ того множество дворянскихъ фамилій съѣхались чтобы принять уча-

стіе въ праздниствахъ, которыя обходились Австріи каждый день въ милліонъ.

Всѣ знаютъ что происходило на этомъ Конгрессѣ. — Каждый день получалъ я приглашенія принять сторону Бонапарте — и удивлялся, видя что еще есть приверженцы Наполеона, не потерявшіе надежды.—Я старался развѣдать кто бы могъ дѣлать эти предложенія.

— Я никогда не повѣрю ему; повѣритъ ли онъ мнѣ?... Необходимость сдѣлала насъ непримиримыми врагами; я буду противиться ему до тѣхъ поръ, пока живъ; ничто не можетъ разрушить желѣзной стѣны, которая насъ раздѣляетъ.

Черезъ четыре дня послѣ этого разговора мы услышали о высадкѣ Наполеона. Мнѣ кажется, что еслибы онъ очутился вдругъ за двадцать миль отъ Вѣны; то и тогда смятеніе не могло бы быть сильнѣе. — Говорятъ, что вступивъ во Францію, Наполеонъ вскричалъ: Конгрессъ распущенъ! — и точно на цѣлыя сутки онъ былъ распущенъ. — Думали, что онъ возвратился съ согласія своего тестя и многіе начали подозрѣвать Австрію.

Все заставляетъ меня думать, что если бы перемѣнивъ свои мысли я сдѣлался въ то время ревностнымъ Бонапартистомъ, то, пользуясь обстоятельствами, принесъ бы величайшую пользу Наполеону. — Я поступилъ напротивъ, старался успокоить, согласить, представляя на видъ опасность разрыва и умѣніе Бонапарте воспользоваться нашими несогласіями. — Я такъ хорошо успѣлъ въ своихъ намѣреніяхъ, что Конгрессъ не только не разстроился, но соединился еще тѣснѣйшими узами.

Я былъ дѣйствующею пружиною прокламаціи 19 Марта 1820, на которой Наполеонъ объявленъ былъ внѣ законовъ націи. — Эта прокламація сдѣлалась горою Этною, которую я набросилъ на новаго Энцелада.

Король, удалившійся въ Гентъ, долженъ былъ отослать своего любимца. — Графъ де Б. защищалъ сего послѣдняго съ жаромъ. — Г. Шатобріанъ хотѣлъ заступить его мѣсто — и наконецъ занялъ его Фуше; и при второмъ возвращеніи Людовикъ XVIII долженъ былъ опираться на его руку; второе министерство мое было запятнано присутствіемъ Фуше. Сначала хотѣлъ я отказаться, чтобы не находиться въ

такомъ товариществѣ; но любовь къ родинѣ побѣдила. — Я остался, хотя ненадолго. — Никогда не рѣшился бы я подписать трактата 20 Ноября 1815 — и потому удалился.

Съ этой минуты я сдѣлался при дворѣ нестерпимымъ; каждую недѣлю дѣлали мнѣ новыя непріятности; лишили меня всего довѣрія, отрѣшили отъ дѣлъ — даже угрожали моей свободѣ. — Герцогъ Р. осмѣлился напечатать свою брошюрку, въ которой обвинялъ меня въ убійствѣ Герцога Ангъенскаго, тогда какъ онъ самъ былъ первымъ дѣйствующимъ лицемъ этой кровавой драмы. Незнаю что было бы со мною, если бы выведенный изъ терпѣнія я не объявилъ, что готовъ напечатать документы.... Всѣ испугались и интрига веденная съ тѣмъ, чтобы низвергнуть меня, неожиданно обратилась въ мою пользу.

Король пригласилъ меня возвратиться въ Тюйльри, обѣщая, что не найду въ немъ дурнаго общества; однако Г. Д. еще не удалили. — Я явился и меня встрѣтили насмѣшками, потому что уже не боялись. — Все это продолжалось до кончины Герцога Беррійскаго, добраго, благороднаго и великодушнаго Принца, котораго мало знали, на котораго кле-

вътали, и который былъ забытъ даже родными.

Единодушный голосъ Франціи потребовалъ отставки втораго любимца. — Если бы въ это время меня возвратили къ дѣламъ — то я доказалъ бы, что Л. не былъ неизвѣстнымъ убійцею безъ сообщниковъ; это убійство было слѣдствіемъ гнусной интриги, которая.... Останавливаюсь. Часъ открытій еще не пробилъ и я для блага современниковъ откладываю его на тридцать лѣтъ, послѣ моей смерти.

Первое мѣсто занялъ Г. В. Онъ сдѣлался кумиромъ своей партіи, и не удивительно: — въ этой партіи такое множество посредственныхъ людей, что Г. В. легко могъ казаться геніемъ. Онъ былъ неизвѣстный провинціалъ; въ юности былъ купцомъ, потомъ не богатымъ владѣльцемъ, но имѣлъ въ сердцѣ природную твердость и безкорыстіе, которыя много способствовали къ его возвышенію: воспитанный по старому, на Латинскій манеръ, зная немного правъ и нѣсколько школьной философіи — онъ презиралъ всѣ искуства, укрѣпляющія и возвышающія душу. Равнодушный къ живописи, ваянію, онъ съ жалостію глядѣлъ на людей запимающихся литературою;

любовь къ поэзіи казалась ему доказательствомъ неспособности къ политикѣ, магистратурѣ и администраціи; не понимая вліянія журналистики, онъ вызвалъ журналистовъ, которыхъ презиралъ, на жестокое мщеніе.

Истинный политикъ не пренебрегъ бы литературой и журналистикой. В. напротивъ преслѣдовалъ однихъ, выказывалъ презрѣніе къ другимъ, распустилъ національную гвардію и самъ не зная того, вырылъ пропасть и приготовилъ машины, ускорившіе паденіе.

Эти ошибки затмятъ можетъ быть въ глазахъ потомковъ — дѣльное его знаніе финансовыхъ наукъ, непоколебимую честность, не умѣвшую сводить итоговъ, принужденное, но выдержанное краснорѣчіе, любовь къ Монархіи, и умъ направленный къ миролюбію, которое заставляло его бояться всѣхъ политическихъ переворотовъ. — Г. В. всегда медлилъ и никогда не нападалъ прямо; увѣренный въ глубинѣ души, что не можетъ съ успѣхомъ выдержать битвы, страшась переворота, который могъ уронить его — онъ никогда не рѣшился бы поступать, такъ какъ поступалъ маленькій Полиньякъ — потому что очень хорошо зналъ, что въ состояніи сдѣлать; не ослѣплялся своими дарованіями и правиломъ сво-

его политическаго поведенія выбралъ извѣстный и умный стихъ:

Tel brille au second ang, qui s'éclipse au premier

хотя девизомъ его дома была пословица Tout rient a point à qui peut attendre.

ГЛАВА II.

Я намѣренъ разсказывать Революцію 1830 анекдотически.— Предшествовавшія ошибки и слабости.—Партіи, раздѣлявшія Францію въ 1829.—Четыре роялистскія категоріи.— Ультра роялисты.—Робкіе роялисты.—Конституціонные роялисты.—Комедіанты пятнадцатилѣтія.—Ихъ родословная и Исторія.—Орлеанисты.—Бонапартисты.—Приверженцы Богарне.—Приверженцы Герцога Оранскаго и Павла Виртембергскаго.—Маркизъ Л. Д. и другіе.—Юноши республиканцы.—Невинная республика.—Настоящіе якобинцы.—Портреты викомта М. и Графа П.

Въ политическомъ отдѣленіи моихъ записокъ я подробно представляю всѣ происшествія, случившіяся со времени моей отставки отъ министерства въ 1815 до послѣдней революціи, возведшей на престолъ Герцога Орлеанскаго. — Но важность политики, удовлетворяющая дипломата, не имѣетъ мѣста въ запискахъ болѣе анекдотическихъ. — И потому не будя тягостныхъ воспоминаній моихъ отъ 1815 до 1829 — я разскажу только о происшествіяхъ, интригахъ, частныхъ случаяхъ, дѣйствовавшихъ pro или contra въ этомъ великомъ переворотѣ.

Для объясненія мнѣ должно показать читателямъ на сколько партій была раздѣлена Франція въ 1829 году и начертать портреты главнѣйшихъ лицъ, дѣйствовавшихъ въ этой исторической драмѣ.

Новое правительство, увѣренное въ справедливости своихъ дѣйствій и желая поступать къ лучшему, дѣлало безпрерывныя ошибки; оно хотѣло дѣйствовать какъ дѣйствовало прежде и на каждомъ шагу ссорилось съ новыми требованіями. Удивленное новымъ порядкомъ вещей, оно предполагало, что всѣ вышедшіе въ люди во время его отсутствія, должны были отказаться отъ своего званія, правъ, преимуществъ и очистить мѣста для возвратившихся эмигрантовъ. — Это вело къ безпрерывнымъ ссорамъ и противорѣчіямъ.

Послѣ 1815 приверженцы Бурбоновъ раздѣлились на четыре главныя категоріи: на ultra роялистовъ, т. е. безразсудныхъ, которые были роялистами болѣе нежели самъ Король. — Они то были причиною всѣхъ ошибокъ и паденія реставраціи, ихъ хвастовство, ихъ невыносимая гордость, ихъ ненависть къ новымъ идеямъ, ихъ стараніе воротить весь прежній порядокъ вещей — возбуждали ненависть ихъ противниковъ. По странному случаю въ этой

категоріи не было ни одного человѣка, могущаго стать выше обстоятельствъ; пустомели, лицемѣры, интриганты безъ заслугъ и безъ энергіи; честные, но слабые и не способные люди, дѣйствовавшіе только на словахъ; львы въ засѣданіяхъ — и зайцы на дѣлѣ, такіе же, каковы были всѣ они въ 1815, 18 фруктидора, 13 Вандемьера, 9 Термидора, 31 Мая, 21 Января, 10 Іюня, 20 Іюня, 14 Іюля и въ особенности 27 Іюня 1786; (?) вотъ каковы были эти люди. — На всѣхъ нападали — и всегда были побѣждены; воспѣвали побѣду наканунѣ сраженія, а въ день битвы бѣжали съ поля — и прятались по погребамъ и подваламъ. Вотъ ультра роялисты 1829 года. Конечно въ числѣ ихъ я не помѣщаю героевъ Вандеи.

Роялисты, оплакивавшіе прежній порядокъ вещей, но увѣренные въ необходимости уступокъ въ настоящемъ и будущемъ — составляли вторую категорію.

Третій классъ составляли роялисты разсудительные. Увѣренные въ необходимости забыть старую конституцію, они желали, что бы Король привязался къ новой и чистосердечно ей слѣдовалъ. — Ультра роялисты ненавидѣли эту партію; называли членовъ ея якобинцами,

презирали ихъ, старались всячески вредить и допускали ихъ только въ большія залы Тюйльри. — Ни въ какомъ случаѣ не призывали ихъ, не совѣтовались съ ними; видъ ихъ былъ несносенъ лицемѣрамъ и эти добрые, честные люди, между которыми было множество талантливыхъ, бывали постоянно отвергнуты; отъ нихъ бѣгали, какъ отъ прокаженныхъ и ультра роялисты каждое утро молили о ихъ погибели и вечеромъ ложились спать съ негодованіемъ, что они еще живутъ и оскверняютъ землю.

Въ четвертой категоріи находились *комедіанты пятнадцатилѣтія*, лицемѣры, лгуны взяточники, однимъ словомъ люди всѣхъ цвѣтовъ, хамелеоны, привыкшіе служить всѣмъ властямъ, готовые произнести любую клятву. Они служили всѣмъ: Республикѣ, Якобинцамъ, Робеспьеру, Директоріи, Бонапарте. Первые явились нѣкогда въ передней Консуловъ — и первые перешли отъ Наполеона послѣ ста дней въ переднія Тюильри.

Эта категорія ища забвенія прошлаго присоединилаеь къ ультра роялистамъ, какъ плющъ вьющійся около дуба. Самые ультра удивлялись силѣ любви и преданности къ Королю этихъ комедіантовъ и страшась показаться слабыми

въ глазахъ ихъ, на перерывъ другъ передъ другомъ старались выказать силу своей преданности; и эти обманщики, увлекая глупцовъ, незамѣтно приготовляли развязку комедіи, которая продолжалась 15 лѣтъ.

И такъ настоящіе роялисты были раздѣлены въ 1829 на четыре категоріи. Вслѣдъ за ними толпились роялисты орлеанистскіе, которые полагали, что для совершеннаго окончанія революціи престолъ долженъ перейдти къ младшей линіи.

Кромѣ этихъ партій множество гражданъ, особенно изъ протестантовъ желали, видѣть Королемъ какаго нибудь Сѣвернаго Принца: многіе были на сторонѣ Принца Оранскаго, сына Голландскаго Короля; но большая часть блестящими благородными качествами Е. К. В. Принца Павла Виртембергскаго призывала его на престолъ; эта партія была бы еще многочисленнѣе, если бы Принцъ былъ Католическаго исповѣданія.

Послѣдняя партія, самая слабая, была республиканская; въ 1814 она пробудилась отъ насильственнаго сна, въ который повергнулъ ее Наполеонъ, — она возбудилась въ 1829.

Въ этой партіи находилось много людей бывшихъ въ Учредительномъ и Законодательномъ собраніяхъ, въ Конвентѣ, въ Совѣтахъ, и которые не разучились еще вѣрить въ возможность республиканскаго демократическаго правленія. Они не хотѣли обращать вниманія на покушенія Дюмурье, Гоша, Моро, Бонапарте и все еще надѣялись осуществить свою несбыточную идею.

Кромѣ того между ними было множество безбородыхъ республиканцевъ, юношей, изъ которыхъ самому старшему въ 1829 году было едвали 20 лѣтъ; они сдѣлали себѣ изъ республики куколку, которую, играя, одѣвали славой и добродѣтелями. Они представляли ее себѣ доброй, кроткой, благородной, гордой, добродѣтельной, милосердой, неспособной видѣть кровь. Конечно и служители этой нимфы должны были быть также чисты какъ она, на веснѣ жизни; — дѣти, они вообразили, что изъ среды ихъ выберутъ правителей этой невинной республики, которая пѣжничала бы и прыгала въ то время, какъ ея правители занимались бы ея благомъ въ кофейныхъ или за кулисами Театра.

Наконецъ республиканцы 1797 года остатки Дантоновъ, Робесньеровъ, Марà, настоящіе якобинцы спасшіе отъ смерти.

De ces hommes perdus de dettes et de crimes
Qui, si tout n'est perdu, ne sauraient éxister?

въ тайнѣ приготовлялись къ нападенію и въ тишинѣ приготовляли оружіе, дожидаясь случая схватить власть, провозгласить ужасъ и царство эшафота.

Эти злодѣи надѣялись на лицемѣровъ, надѣясь, что ихъ подлость и корыстолюбіе заставятъ поддерживать порокъ и злоупотребленіе, лишь бы можно было извлечь изъ того выгоды.

Вотъ на сколько котерій были раздѣлены партіи въ 1829 году. Чтобы подвесть ихъ подъ одно общее заключеніе, можно было сказать, что существовало нѣсколько партій роялистовъ, орлеанистовъ, Бонапартистовъ и республиканцевъ — хотя снаружи вся Франція казалась раздѣленною на ультра роялистовъ и либераловъ.

Правительство увидало слишкомъ поздно это положеніе вещей, еще до этаго Г. В. подалъ въ отставку, потому что по свойственной ему слабости считалъ все потеряннымъ; а правительство считало себя еще всемогущимъ.

ГЛАВА III.

Ошибки правительства съ 1814.—Баронъ В. Вступленіе на престолъ Карла X. Князь Полиньякъ. Его мономанія. — Разговоръ о возстановленія прежняго порядка. Несчастное ослѣпленіе на счетъ Полиньяка. Графъ Л. Графъ П. Графъ Б. Гг. де Монбель, Гернонъ-Ронвиль д'Оссе, Капелль. Я прошу аудіенціи.—Посѣщеніе Г. Л.—Учтивая ссора.—Насмѣшки. Разговоръ съ Дофиномъ. Герцогъ Рагузскій. Графъ Жирарденъ и охота.—Лѣвая сторона Сравненіе дворянства и мѣщанства. Лавочники хотятъ быть вельможами. Портреты Гг. Л. Д, О. Б. Могеня, Барта, Мериссу и др. ejusdem farinae.

Я не упоминаю о прочихъ членахъ кабинета и не безъ причины; всѣ они были люди не по своимъ мѣстамъ, люди, которыхъ заставляли стремиться къ чуждой имъ цѣли.

Наконецъ ударилъ часъ въ который должностные люди по видамъ, мнѣніямъ, самолюбію, становились подъ то или другое знамя; иные даже служили безразлично той и другой. Въ нѣкоторыхъ южныхъ провинціяхъ явно господствовали ультра роялисты. — Въ этой категоріи находился департаментъ Одскій во все

время когда имъ управлялъ Баронъ Т. или Государственный Совѣтникъ С. де Ф. Тамъ былъ слышанъ только голосъ министровъ Графа д'Артоа; всѣхъ чиновниковъ назначали изъ ультра роялистовъ, которые ждали только вступленія на престолъ Графа д'Артоа, когда они готовились сбросить маску и торжественно провозгласить прежній порядокъ вещей; несообразность, которая принесла неисчислимо много вреда Королю.

Я не хочу повторять того, что сказалъ объ этомъ человѣкѣ, потому что уже описывалъ его; къ тому же кто не знаетъ его вліянія? Кто не видалъ какъ мало онъ соотвѣтствовалъ своему мѣсту? Но онъ отъ души былъ преданъ Королю; любилъ его съ сыновнею любовью подданнаго; былъ выше мѣлочныхъ расчетовъ корыстолюбія, которые пятнали жизнь перваго любимца Людовика XVIII, честенъ, благороденъ. Но отдавая справедливость его хорошимъ качествамъ, нельзя было не пожалѣть о его упрямствѣ и ослѣпленіи.

Съ 1814 года Князь Полиньякъ началъ говорить во всеуслышаніе, что онъ призванъ возстановить Монархію. Въ Европѣ такъ боялись, чтобы онъ не вздумалъ привесть въ

исполненіе этого плана, что одинъ изъ важнѣйшихъ особъ въ Европѣ, однажды вечеромъ, заклиналъ его разсказать, какими средствами онъ надѣется достигнуть до исполненія этаго плана.

Князь слушалъ сложивъ руки, поднявъ глаза къ небу, съ мистическою улыбкою на устахъ. Уваженіе препятствовало ему уклониться отъ отвѣта, котораго требовали яснаго, не медленнаго и потому онъ сказалъ:

— Будьте спокойны, Провидѣніе возвративъ престолъ Бурбонамъ дало намъ первый залогъ общаго спокойствія; надѣюсь что при вступленіи моемъ въ министерство этотъ трудъ будетъ оконченъ.

— Но какимъ же путемъ вы пойдете?

— Самымъ простымъ: воздвигну все, что низпровергли; возсоздамъ все, что разрушили.

— Хорошо! но какими средствами? — У васъ долженъ же быть планъ.

— Конечно, я долго разсуждалъ объ этомъ дѣлѣ.

— Скажите же мнѣ, что вы хотите дѣлать?

— Боже мой! я возстановлю нашу древнюю монархію въ ея прежнемъ видѣ; не сомнѣвай-

тесь въ этомъ и вѣрьте моему слову; дѣло тѣмъ легче, что такъ Король самъ согласенъ.

Вотъ въ какомъ положеніи находились дѣла, когда Карлъ X сдѣлалъ Полиньяка президентомъ Министерства; испугъ объялъ Францію и пронесся по всей Европѣ; и какъ бы недовольствуясь подобнымъ президентомъ, Король присоединилъ къ нему товарищей, которые дѣлами своими усиливали мрачныя предчувствія.

Графъ Л. казался не въ шутку людоѣдомъ; даже иные считали число дѣтей съѣденныхъ имъ за завтракомъ. При его вступленіи въ министерство появились казни, ссылки, темницы и вслѣдъ за тѣмъ всеобщее негодованіе; всѣ рѣшились сообща противиться ему. Г. де Л. при Министерствѣ казался яснымъ доказательствомъ войны противъ народа — и народъ приготовился къ оборонѣ.

Конечно это негодованіе было смѣшно и глупо. Графъ не только не хотѣлъ съѣсть насъ — но даже противъ воли вступилъ въ министерство, гдѣ не смотря на то хотѣлъ быть. Власть еще скрытая Полиньяка казалась ему несносною, и если онъ имѣлъ мужество и твер-

дость духа, то истратилъ ихъ всѣ на поддержаніе неравной борьбы.—Гдѣ должно было идти впередъ — онъ остановился; гдѣ надобно было дѣйствовать — онъ дремалъ и далъ время противникамъ своимъ собраться, условиться;—его разсмотрѣли, оцѣнили и вмѣсто прежняго страху, который онъ всѣмъ внушилъ, надъ нимъ стали смѣяться. Л. изъ грома превратился въ хлопушку—и потухъ съ дымомъ но безъ пламени. Въ сущности онъ былъ человѣкъ порядочный, не золъ, говорунъ—и право былъ лучше мнѣнія, которое объ немъ составили.

Благородный характеръ, выказанный Графомъ де Пейронне въ несчастной катастрофѣ, въ которой онъ былъ замѣшанъ; его твердость; искренняя преданность, чуждая всѣхъ расчетовъ; его мужество въ оковахъ и блестящіе таланты совершенно оправдали его отъ клеветъ, разсѣянныхъ на его счетъ либералами.- Они говорили, что онъ первый присовѣтовалъ пагубныя, жестокія мѣры; это клевета и ложь. Чуждый всѣмъ интригъ, честный, искусный, онъ поддерживалъ Монархію и Короля съ твердостію благородства и ума.

Онъ болѣе всѣхъ противился Полиньяку въ несоблюденіи хартіи; она казалась ему священною, потому что онъ поклялся надъ ней—

онъ подалъ въ отставку и получилъ ее, но когда его начали заклинатъ не покидать министерства, тогда, принеся въ жертву свои мнѣнія и свое существованіе, онъ храбро приблизился къ пролому, сражался и побѣжденный заслужилъ общее уваженіе.

Онъ не имѣлъ ни желчи въ сердцѣ, ни злобы въ умѣ. Поведеніе его было благородно, политическое поприще чисто безукоризненно, а его ненавидѣли и имя его считали объявленіемъ войны.

Есть несчастные люди, которыхъ обвиняютъ во всемъ томъ, что прощаютъ другимъ; которые должны отвѣчать за пороки всѣхъ. Г. де Бурмонъ находится въ числѣ этихъ несчастныхъ, которымъ ничто не удается. Онъ добръ, искусенъ, хорошій политикъ, умный стратегистъ, храбрый воинъ; вступивъ въ министерство цѣлію его было благосостояніе арміи; онъ сдѣлалъ для нея болѣе нежели его предшественники и наслѣдники!—и что же?—его во всемъ обвиняли.

А, вы М. Государи! — что дѣлали вы сами 22 Сентября 1792, 31 Мая, 18 Брюмера въ первую и вторую реставрацію? — Воины столь щекотливые къ измѣнѣ, какой партіи оставались вы вѣрными? —Когда преломили вы

вашъ мечь, чтобы не служить побѣдителю; чѣмъ же хуже Бурмонъ нежели Ней, Жуберъ, Пишгрю, Моро, Мюратъ! Я удивляюсь!—Судить такъ строго одного и прощать всѣмъ прочимъ.

Г. де Монбель, напоминающій собою древнихъ мудрецовъ, могъ предложить Королю свои таланты, добродѣтели, свою честность, преданность—и только! Его не знали; онъ не сдѣлалъ ничего, чтобы могло быть залогомъ для будущаго. Тоже самое можно сказать о Графѣ Герконъ-Раньилѣ, о Г. Госсе и даже о Баронѣ Капеллѣ.

Таковы были люди, которые должны были дѣйствовать къ возстановленію древней Монархіи; не стану повторять того, что всѣмъ извѣстно — описывать борьбы избирательной палаты съ Королемъ; ложныхъ мѣръ, раздражившихъ народъ; все это не имѣетъ мѣста въ запискахъ анекдотическихъ; разскажу только о томъ, что относится собственно ко мнѣ.

Впрочемъ я почиталъ долгомъ сдѣлать послѣднее покушеніе и открыть опасность; я просилъ аудіенціи; ее назначили, но Король не вышелъ. Любимцы постарались затмить отъ Короля послѣдній лучъ, который могъ бы просвѣтить его. Мнѣ однако сказали, что на другой день Король или Дофинъ готовы принять меня.

За часъ до аудіенціи въ то время, какъ я одѣвался, мнѣ доложили о прибытіи Г. де Л. который до того времени обходился со мною въ границахъ самой холодной учтивости. Въ другое время я удивился бы этому неожиданному посѣщенію, но теперь угадалъ причину прибытія такой важной особы.

Онъ вошелъ въ смущеніи и старался разсѣять его увѣдомивъ меня о тогдашней новости: покореніи Алжира. Я зналъ эту новость также хорошо какъ и онъ, но не зналъ что намѣревались извлечь изъ этой побѣды.

— Перстъ Божій, началъ посѣтитель, видимо оказался въ этой побѣдѣ. Она можетъ довершить начатое; но должно поторопиться и воспользоваться радостію однихъ и смущеніемъ другихъ; всякое замедленіе есть ошибка, всякая слабая мѣра преступленіе; тотъ сдѣлаетъ самую величайшую низость, кто захочетъ теперь отвратить громовый ударъ и встать между справедливою казнію и небольшимъ числомъ злодѣевъ, которые ее заслужили.

Если бы кто заранѣе спросилъ меня о чемъ станетъ говорить Г. Л.. то я написалъ бы эту рѣчь, не ошибшись можетъ быть ни въ одномъ словѣ. Въ другое время я не захотѣлъ бы

освѣщать дорогу добровольному слѣпцу — я даль ему время выговорить и не отвѣчалъ бы; но тогда не должно было уважать заблужденій слѣпца и показать ему что онъ ошибался. И потому я отвѣчалъ ему съ такимъ же хладнокровіемъ, съ какимъ жаромъ онъ говорилъ:

— М. Г. сказалъ я; я съ горестію вижу вашу веселость, ваше самодовольство, ваше опасное спокойствіе, когда мы приближаемся— не сомнѣвайтесь—къ ужаснѣйшей катастрофѣ. Вы играете въ плохую игру; можете потерять по крайней мѣрѣ любовь народа.

— Любовь негодяевъ, князь, развратныхъ, нечестивцевъ, революціонеровъ.

— Назовете ли этимъ именемъ большую часть избирателей, гражданъ и всѣхъ глядящихъ на вещи прямымъ взглядомъ?

— Мнѣ больно видѣть, отвѣчалъ онъ, что Дофинъ узнаетъ можетъ быть вашъ образъ мыслей.

— Объяснить ему это—цѣль моя.

Гнѣвъ и негодованіе вспыхнули въ сердцѣ и на лицѣ моего собесѣдника. — Увѣренный въ своей побѣдѣ—онъ присоединилъ къ своимъ словамъ насмѣшки довольнаго побѣдителя, далъ

мнѣ замѣтить что *царство мое* кончилось, что я изчезну съ остаткомъ потомковъ Вельзевула; что не пройдетъ недѣля какъ Князь тьмы будетъ побѣжденъ — и кажется что въ этой битвѣ назначалъ онъ мнѣ роль древняго змія.

Однако время аудіенціи приближалось. Можетъ быть онъ хотѣлъ разсѣять меня и заставить забыть объ томъ, но я положивъ руку къ нему на плечо, сказалъ:

— Воздадимте Кесарю Кесареви. — Его Свѣтлость Дофинъ назначилъ мнѣ аудіенцію, я долженъ васъ оставить. Послѣ, если угодно, мы кончимъ начатой разговоръ.

Дофинъ былъ одинъ. Не стану приводить нашего разговора: Дофинъ былъ заранѣе приготовленъ къ нему, смѣялся надъ моими опасеніями и опровергалъ общими мѣстами. — Дѣлать было нѣчего, и я съ горестію въ сердцѣ удалился.

Смущеніе мое не могло ускользнуть отъ Герцога Рагузскаго, который проходилъ мимо. Онъ подошелъ ко мнѣ и освѣдомился о состояніи моего здоровья.

— Я нездоровъ, отвѣчалъ я; но все таки мое здоровье лучше настоящаго положенія дѣлъ. — Мы стремимся къ гибели....

— Видѣли вы Короля?

— Нѣтъ! я видѣлъ Дофина—и все потеряно. Ослѣпленіе нынѣ такъ велико, что готовы играть въ четъ и нечетъ.

— Что касается до меня, отвѣчалъ Герцогъ, то я очень помню какъ истолковали мое поведеніе въ 1815 и не рѣшусь теперь вступиться ни во что; если меня будутъ принуждать—я подамъ въ отставку.

Съ растерзаннымъ сердцемъ оставилъ я Сен-Клу. Г. Жирарденъ остановилъ меня и началъ говорить объ охотѣ, которая въ глазахъ его была важнѣе всѣхъ политическихъ происшествій. Онъ увѣрялъ, что смятеній было бы гораздо менѣе, еслибы больше распространилась охота. Онъ презиралъ Адвокатовъ, журналистовъ и кажется уважалъ только псарей и доѣзжачихъ.

Я присутствовалъ при дворцовой игрѣ и Король посовѣтовался со мною объ одномъ ходѣ.

— Будьте снисходительны В. В-о, отвѣчалъ я, и главное не торопитесь.

Карлъ X. понялъ меня и отвѣчалъ:

— Карты хороши! и партія зашла слишкомъ далеко, чтобы я пугался.

Я потупилъ голову и отошелъ.

Всѣ во дворцѣ ликовали радостію; нигдѣ не видалъ я грустнаго лица, исключая Маркиза де В. и М. де С.; прочіе, ослѣпленные покореніемъ Алжира, хотѣли разомъ обуздать революцію, забывая, что два раза бѣжали отъ нея. Въ особенности были безразсудны женщины; каждая фраза ихъ была вызовъ на бой; онѣ старались унизить, оскорбить оппозицію; какъ злы и остроумны были онѣ; какъ ловко умѣли нанести раны самолюбію!

Сколько насмѣшекъ вытерпѣлъ я въ этотъ вечеръ! — сколько острыхъ стрѣлъ ударялись въ меня, стараясь отыскать слабое мѣсто кирассы! — Но защищенный моею тройною бронею, я безъ труда отражалъ эти безплодныя нападенія! — Но побѣда моя тяготила меня и я невольно спрашивалъ себя, гдѣ будутъ черезъ мѣсяцъ эти блестящія, веселыя остроумныя дамы?

Между тѣмъ какъ одна сторона стремилась прямо къ побѣдѣ, другая также не дремала. Теперь время изобразивъ дѣйствующихъ лицъ правой стороны, начертать портреты дѣйствующихъ лицъ лѣвой.

Въ теченіе шестнадцати лѣтъ герои лѣвой стороны съ постоянствомъ отчаянія старались занять при Дворѣ мѣсто наравнѣ съ дворянскими фамиліями. Это стремленіе сдѣлалось болѣзнію. Ничто не оставалось безъ употребленія. Обѣщанія, ложныя клятвы; клялись покинуть либераловъ, отложиться отъ нихъ — даже преслѣдовать ихъ! — Сопротивленіе этой мономаніи бѣсило ихъ. Сколько разъ видѣлъ я, что Г. Л. плакалъ о неизмѣримомъ разстояніи, отдѣляющемъ его отъ двора! Сколько нѣжныхъ жалобъ, сколько плановъ мщенія! — точь въ точь какъ любовникъ, который клянется мстить но непокидаетъ свою возлюбленную. — Старшій Д. также заразился этой болѣзнію; Баронъ, братъ его, упрекалъ въ мѣщанскомъ обхожденіи. — Ганнероны плакали каждый разъ, когда въ Тюйльри былъ праздникъ. — Балъ у Е. К. В. Герцогини Беррійской приводилъ въ отчаяніе всѣхъ банкировъ и банкиршъ улицы Шоссе Д'Антенъ.—Самые молоденькія и хорошенькія изъ нихъ хотѣли бы преобразоваться въ старыхъ и дурныхъ Герцогинь.

Эта феодальная зараза распространилась на все купечество; прикащики, сидѣльцы не довольствовались уже зимнимъ Воксаломъ или вечерами Г-жъ В., П. С. Н. и тому подобныхъ. Они хотѣли выказывать свою ловкость въ Тюйльри, въ предмѣстіи Сен-Жерменъ—и даже погребщики и цирюльники хотѣли встрѣчаться въ обществѣ съ тѣми, которымъ подносили вино, или которыхъ завивали.

Во первыхъ долженъ я упомянуть о человѣкѣ, который разительно доказываетъ справедливость пословицы: Qui trop embrasse mal etreint.

Г. Ж. Л. человѣкъ низкаго происхожденія; отецъ его едва не умеръ отъ припадка честолюбія, когда узналъ что сынъ его вступилъ въ контору банкира. Порядочная жизнь и умѣнье пользоваться коммерческими оборотами отличили молодаго Л. отъ толпы прикащиковъ; онъ продолжалъ свой карьеръ, распространилъ свои занятія, сдѣлалъ нѣсколько счастливыхъ спекуляцій и наконецъ составивъ себѣ состояніе, пріобрѣлъ уваженіе.

Умный человѣкъ продолжалъ бы идти по поприщу такъ счастливо начатому; но Г. Л. зная стихъ

постарался доказать его справедливость. Не захотѣвши быть первымъ банкиромъ, онъ употребилъ всѣ средства для того, чтобы сдѣлаться очень посредственнымъ государственнымъ человѣкомъ. — Оставивъ контору, онъ дѣлается депутатомъ, нанимаетъ другихъ писать рѣчи, въ первый разъ ораторствуетъ хорошо — а потомъ вретъ вздоръ — на этотъ разъ свой собственный и безъ приготовленія.

Вслѣдъ за Л. является Г. Д..... старшій, адвокатъ, которому многорѣчіе служитъ вмѣсто учености и краснорѣчія; изъ многочисленныхъ защитниковъ вдовъ и сиротъ рѣдко можно найдти кого нибудь, столь холоднаго и жаднаго; у него одинъ кумиръ—золото; Гарпагонъ могъ бы у него поучиться. Онъ говоритъ много; безстыдный, гордый, мрачный, онъ умретъ отъ удара гордости, или отъ потери процесса, за выигрышъ котораго онъ могъ бы получить пол-милліона.

Честолюбивый не менѣе Г-на Л. онъ больше его привязанъ къ деньгамъ; Л. сбираетъ деньги для того, чтобы ихъ тратить; Д.... для того, чтобы прятать ихъ въ сундуки; полу-придворный полу-фанфаронъ, приверженецъ Монархіи сегодня, республиканецъ на другой день—онъ имѣетъ нѣсколько репутацій

и устрашаетъ своихъ товарищей; во дворцѣ его не любятъ, хотя и ласкаютъ—а онъ обходится тамъ за панибрата; безъ церемоніи ложится въ Тюйльри на первый диванъ и съ этой каѳедры разговариваетъ какъ мужикъ, рѣшая все, не думая, нравится ли его разговоръ, и зная, что ему простятъ это обхожденіе за услуги, оказанныя въ другомъ мѣстѣ; но онъ не видитъ, что слишкомъ большая фамиліярность можетъ возбудить досаду и что толчокъ ногою можетъ столкнуть его съ занимаемаго имъ мѣста Палаты Депутатовъ на прежнюю адвокатскую скамью.

Г. О. Б. одолженъ своею извѣстностію одной безбожной фразѣ; своя партія начала его хвалить, противная бранить и репутація готова. Онъ также адвокатъ и потому имѣетъ всѣ недостатки своего званія: равнодушіе къ добру и злу, потому что адвокаты готовы ораторствовать *pro* и *contra* безразлично; они не имѣютъ опредѣленнаго мнѣнія; впрочемъ Г. О. Б. говоритъ не меньше другаго и подобно своимъ собратамъ умѣетъ многорѣчіемъ закрывать пустоту мыслей. У всѣхъ нихъ множество заранѣе готовыхъ фразъ и они считаютъ себя государственными людьми, потому что разсуждаютъ о Государственныхъ

вопросахъ, которыхъ не понимаютъ и которые запутываютъ. Г. Б. захотѣлось быть администраторомъ и паденіе его доказало, что адвокатство есть ремесло продавать вѣтеръ съ геніальными уловками.

Что сказать о ГГ. Могенѣ, Мерилу и Бартѣ; объ этихъ полубогахъ свалившихся съ своихъ пьедесталовъ. Слава ихъ образовалась медленно, за то скоро исчезла. Ихъ почитали орлами, пока они были не у дѣлъ; но когда случай передалъ власть въ ихъ руки, то они явились испуганными скворцами, или болтливыми сороками.

Слава втораго изъ нихъ исчезла тотчасъ же какъ ему должно было доказать свою способность дѣлами.—Нуженъ былъ Министръ, а мы увидѣли адвоката въ симаррѣ; потому то и впалъ онъ въ забвеніе. Думаютъ, что онъ умеръ въ 1831 или 1832, но гдѣ, какъ? неизвѣстно.

Третій почти также окончилъ свое поприще; подавленный міромъ, который онъ хотѣлъ поднять на плеча, покойный Бартъ былъ говорливъ, не глупъ и только! Онъ дѣлался карбонаромъ, если видѣлъ въ томъ свою прибыль—и перепрыгнувъ изъ за прилавка на канц-

лерскія кресла, заснулъ такимъ пріятнымъ сномъ, что только отставка могла его разбудить.

Объ одномъ только Г. Могенѣ можно повторить извѣстный припѣвъ пѣсни:

Petit bon homme vit encore.

Но можно ли назвать жизнію существованіе послѣ потери славы; не зная чѣмъ сдѣлаться: якобинцемъ-роялистомъ, республиканцемъ или бонапартистомъ; но какою то смѣсью всего этого; чѣмъ то въ родѣ *olla podreda*, надѣвая маску по обстоятельствамъ.

Я всегда удивлялся упругости этихъ господъ и умѣнье ихъ защищать и опровергать одну и ту же матерію не кажется мнѣ чудеснымъ; съ такимъ расположеніемъ ума, не скоро поскользнешься, — за то и не возвысишься; даже получивъ въ руки власть не всегда пользуются уваженіемъ! Конечно, это несчастіе! — Но что дѣлать? Всего вдругъ не получишь.

ГЛАВА IV.

Портретъ Б. К. Его характеръ Учтивость. Часы въ Ронѣ.— Мадригалъ. — Расточительность. Нужда въ деньгахъ. Портреты Гг. Дюпона и Гизо. Философъ. Министръ. Литераторъ. Любопытная родословная.— I. Жозефъ цыганъ II. Жозефъ II. 3. Жанъ первый въ фамиліи. 4 Жанъ II. 5. Жозефъ III, сержантъ. 6. Арно, сторожъ: 7. Арно II, прокуроръ. 8. Арно-Евгеній, адвокатъ. 9. Жозефъ Евгеній II, корсеръ. 10. Оноре-Луи-Шарль-Албертъ, мотъ. — II. отецъ.... Портретъ маленькаго человѣчка въ очкахъ.

Блестящій пламенный ораторъ, мыслитель, котораго можно даже было почесть глубокимъ, непоколебимый снаружи, и позолоченный флюгеръ въ сущности, таковъ былъ Б. К. на высотѣ своей славы — когда торжество увѣнчало его усилія; неспособный къ твердости и почитавшій себя непоколебимымъ; безхарактерный и выказывавшій энергію древнихъ Римлянъ; рѣдко былъ онъ на другой день тѣмъ, чѣмъ бывалъ наканунѣ; и мысли его поутру были рѣдко согласны съ мыслями его того же вечера.

Исполненный ума, остроумія, глубокихъ мыслей, одѣвавшій рѣчь свою всѣми преле-

стями слога, онъ можетъ быть желалъ болѣе ослѣплять, нежели убѣждать. Привязать его къ одной цѣли было невозможно; даже тѣ, которые не вѣрили ему, увлекались его блестящей рѣчью, его искуствомъ ослѣплять, удивлять, очаровывать, и даже убѣждать, оставаясь при томъ холоднымъ и равнодушнымъ.

Швейцарецъ по рожденію, Французъ по происхожденію, миссіонеръ республики и тайный приверженецъ Монархіи, онъ происходилъ отъ родителей, которыхъ изгнала изъ Королевства привязанность ихъ къ Протестантству; потомъ возвратился онъ во Францію, не заботясь что правъ Римъ, или Женева — и готовый всегда защищать наиболѣе угнѣтенную партію.

Это равнодушіе простиралось на всѣ дѣла его жизни.— Духъ противорѣчія владѣлъ имъ въ высшей степени. И такъ во время революціи въ Версайлѣ былъ онъ сначала фрондеромъ; происшествія Октябрскія заставили его перейдти на сторону Короля; онъ переходилъ то на правую, то на лѣвую сторону національнаго Конвента; всталъ подъ знамена Бонапарте; но утомившись быть защитникомъ

правительства, явился трибуномъ, и остался вѣренъ одной Мадамъ С.

При возвращеніи Бурбоновъ, онъ обожалъ ихъ; 19 Марта явился онъ противникомъ побѣжденнаго Императора, а 22 помирился съ нимъ и обожалъ его. Съ этого времени, отвергнутый роялистами, онъ долженъ былъ остаться между либералами цѣлыя пятнадцать лѣтъ. Это принужденное постоянство не давало ему покоя, мучило его; и унесло много жизни, которая сдѣлалась для него несносною при однообразіи.

Вотъ каковъ былъ Б. К. Кроткій, добрый, чувствительный, человѣколюбивый, искренній, твердый въ дружествѣ, человѣкъ высшаго ума и лучшаго обхожденія, онъ отличался имъ отъ толпы своихъ товарищей, не имѣвшихъ порядочнаго образованія; онъ былъ знатный баринъ, заблудившійся между прикащиками, неспособными понять его.

Вѣжливость его была болѣе нежели утонченна; онъ до безумія любилъ женщинъ, и вѣроятно долженъ былъ имъ нравиться. Прикованный нѣсколько лѣтъ къ колесницѣ новѣйшей Коринны, онъ остался ей вѣренъ. Однажды опоздавши на свиданіе, назначенное

ему одной дамой, онъ извинился предъ ней, сказавъ:

— Я не виноватъ! эти пагубные часы обманули меня—и должны быть за то наказаны.

И при этихъ словахъ лучшее произведеніе Бреге, часы, висѣвшіе на большой золотой цѣпочкѣ съ большими печатями брошенные сильною рукою въ Рону (въ Женевѣ) исчезли въ шумныхъ волнахъ рѣки.

Въ другой разъ когда эта жа самая дама принуждала его выпить стаканъ вина, онъ отвѣчалъ ей фразой, которую одинъ соотечественникъ такъ удачно и скоро переложилъ въ стихи:

De m'oter la raison il vous sera facile,
Vous le pouvez sans tant de frais;
Le vin, pour m'énivrer n'est-il pas inutile
Lorsqu'il suffit de vos attraits.

Входя въ лѣта, Б. К. Б. де Р. пристрастился къ политикѣ и скоро началъ играть блестящую роль. Искусный въ нападеніяхъ, еще болѣе въ отвѣтахъ, онъ поражалъ, подавлялъ, не выходя изъ приличій учтивости, тогда какъ его товарищи просто бранились.— Странно было видѣть этого краснорѣчиваго блестящаго оратора, отвѣчающаго учтивостію на грубость — и вѣжливой острой эпиграмой

на побрашку. Потому то вся палата любила его, не смотря на разноръчіе въ мнѣніяхъ.

Но К. имѣлъ также свои слабости: мотъ, расточитель, всегда нуждающійся въ деньгахъ, онъ съ удивленіемъ видѣлъ какъ золото утекало изъ его рукъ. Бережливость была для него несносна. Къ чему беречь? говорилъ онъ; деньги тогда только имѣютъ цѣну, когда ихъ можно тратить; у воровъ и купцовъ кошельки должны быть полны, скажите пожалуста, что можно подумать о достойномъ человѣкѣ и литераторѣ, который скряжничаетъ какъ Гарпагонъ?

Наконецъ Б. К. потерялъ свою независимость; голосъ кредиторовъ достигъ до него,— и онъ долженъ былъ прибѣгать не къ совсѣмъ хорошимъ средствамъ.

Дюпонъ (де Л'Эръ) настоящій Римлянинъ временъ Республики, уважаемый всѣми за свой характеръ — спорилъ о первенствѣ съ Маркизомъ Лафайетомъ. Свѣтскіе люди, главнѣйшіе либералы становились подъ знамена героя Америки; остальные болѣе покорствовали депутату; честность, любовь къ родинѣ, знаніе законовъ, непоколебимая твердость л'Опиталя, грустная привѣтливость, любовь

къ уединенію и къ Музамъ, вотъ какія блестящія качества отличали умнаго, честнаго благороднаго Дюпона.

Далеко отъ него и притомъ болѣе въ виду рисовался Г. Г. — Онъ малъ ростомъ, съ твердою волею, съ громкимъ голосомъ; человѣкъ кабинетный и политическій, говорящій хорошо и кстати, онъ составилъ себѣ громкую репутацію, которую однако не поддержали дѣла его.

Толпа должна была бы окружать его — а онъ живетъ уединенно. — Поищемъ причинъ этого уединенія! — Почему его такъ много хвалятъ и такъ мало любятъ? — Потому что Г. Г. эгоистъ; что употребляетъ все для своего личнаго первенства; потому что въ немъ какъ въ Пуританинѣ, мало привѣтливости, а много презрѣнія и гордости. Людовикъ XVIII нелюбившій Г. говорилъ

— Не знаю почему — только каждая брошюрка Г. тяжелѣе большаго тома in-folio. Можетъ быть авторъ думалъ, что для желѣзнаго вѣка необходимы свинцовые томы.

Г. Г. издалъ въ свѣтъ 25 томовъ анекдотической Исторіи Англіи, нашихъ древнихъ историковъ и пятьдесятъ другихъ сочиненій, тоже не изъ самыхъ легкихъ.

Наконецъ дошли мы и до Г. Т..... Такъ какъ все касающееся до великихъ людей должно быть занимательно, то я хотѣлъ бы составить его подробную родословную. — Но всѣ розыски мои для этаго важнаго дѣла остались тщетны; и я долженъ удовольствоваться не полною родословною, присланною мнѣ однимъ ученымъ.

ДОСТОВѢРНАЯ РОДОСЛОВНАЯ ГОСПОДИНА А. Д. Т.

ПЕРВЫЙ РАЗРЯДЪ.

Въ 1502 году извѣстная шайка цыганъ, усиленная Нѣмецкими разбойниками чернаго лѣсу и Сѣверными пиратами, перешедъ черезъ Альпы, вышла на берегъ Дурансы. — Одинъ изъ этой шайки, поимени Жозефъ, будучи опасно раненъ во время нападенія на купеческую барку, былъ принятъ одною дѣвушкою веселаго поведенія. Благодарность заставила Жозефа цыгана сдѣлать эту дѣвушку дамою и матерью, и отъ этого брака, совершеннаго при блескѣ солнца, на зеленомъ лугу, при пѣніи птицъ, родился Жозефъ II. У него были еще два брата и четыре сестры, которые всѣ занимались двоякимъ ремесломъ своихъ родителей.

ВТОРОЙ РАЗРЯДЪ.

Жозефъ II, прозванный цыганомъ, вступилъ въ войско Франциска I. — Будучи барабанщикомъ подъ Мариньяно, онъ убѣжалъ съ Коннетаблемъ Бурбономъ, которому почему то очень понравился. Прибывъ въ Римъ, гдѣ Коннетабль былъ убитъ извѣстнымъ скульпторомъ Бенвенуто Челлини, Жозефъ II, неимѣя средствъ для пропитанія, сдѣлался сначала натурщикомъ, потомъ монахомъ, потомъ бандольеромъ, потомъ сбиромъ и наконецъ палачемъ въ Перузѣ. — Подъ старость Богъ знаетъ почему очутился онъ въ Нимѣ, онъ женился на одной Сиракузской ворожеѣ, которая, какъ увѣряетъ злословіе, была сожжена въ Монпелье, потому что ее обвиняли, несправедливо конечно, въ томъ, что она была на шабашѣ, что двое какихъ то молодчиковъ зарѣзали у нея двухъ какихъ то студентовъ, и что будто бы она облегчила 122-мъ женщинамъ путь въ будущую жизнь.

ТРЕТІЙ РАЗРЯДЪ.

Жанъ Т. родившійся въ 1564 отличился геніальными дѣлами. Будучи 15-ти лѣтъ отъ роду, онъ надѣлъ на себя куртку хорошаго,

тонкаго сукна — и какой то клеветникъ купецъ вздумалъ утверждать, что эта куртка украдена у него на ярмаркѣ въ Бокерѣ. — Такъ какъ Жанъ не смотря на свою невинность, не могъ доказать права владѣнія этою курткой, то его привели къ Сенешалю и Сенешаль, человѣкъ безъ воспитанія, велѣлъ водить Жана по ярмаркѣ съ обнаженною спиною — а между тѣмъ какой-то негодяй хлесталъ его по спинѣ и по прочему жидкими розгами.

Черезъ 5 лѣтъ тотъ же самый Жанъ имѣлъ опять несчастіе украсть свинью и 22 гусей, которые, какъ показалъ Мессиръ Камбасересъ, владѣтель Лупіана, были украдены съ его кухни. — Матеріальная улика безъ другихъ доказательствъ убѣдила судей, которые охотнѣе вѣрили воровству, нежели чуду; и всѣ три дня ярмарки въ Монпелье, Жанъ сидѣлъ на площади на тубаретѣ со связанными руками и съ колодкою на шеѣ.

Вступивъ въ зрѣлый возрастъ Жанъ I, все еще несчастный, вздумалъ для забавы отправиться съ четырьмя товарищами на большую дорогу Э, пугать прохожихъ, отнимать у нихъ пожитки, кошельки и проч., это дѣлалось для шутки, потому что они увѣряли, что возвра-

тили бы послѣ всѣ вещи назадъ. — Но Прованскій Парламентъ, не любившій шутокъ, схвативъ Жана и зная его охоту къ путешествіямъ, снабдилъ его дипломомъ матроса на галерахъ.

Этотъ знаменитый путешественникъ, ничего не написавшій, но много разсказывавшій о своихъ путешествіяхъ изъ Тулона въ Марсейль и изъ Марсейля въ Тулонъ былъ отецъ: 1. Жана, нижеслѣдующаго; 2. Андрея Т. земледѣльца: 3. Жилля Т... слѣсаря; 4. Николая, Комиссіонера, 5. Жиллеты, которая занималась ремесломъ своей матери, неизвѣстной по имени. 6. Теклы, которая слѣдовала по стопамъ сестры.

ЧЕТВЕРТЫЙ РАЗРЯДЪ

Жанъ II, Т. родившійся въ 1549, былъ мясникъ; онъ женился на Катеринѣ Деміодѣ, торговкѣ, которая принесла ему нѣсколько дѣтей, изъ которыхъ старшій слѣдуетъ.

ПЯТЫЙ РАЗРЯДЪ

Жозефъ III, Т. побывавъ въ школѣ, первый изъ свой фамиліи выучился читать. — Такая ученость заставила его полюбить науки и

внушила ему честолюбіе; онъ сдѣлался сержантомъ; но трудности этого званія причинили ему чахотку и онъ умеръ, не имѣвъ времени жениться на своей возлюбленной, которая обрадовала его и его товарищей, подаривъ имъ въ 1617 году сына, которому Жозефъ III и далъ свою фамилію.

ШЕСТОЙ РАЗРЯДЪ

Арно Т. родившійся, какъ я сказалъ 1 Генваря 1617, былъ сначала уличнымъ мальчишкой, потомъ писаремъ у нотаріуса.—Наконецъ разными происками дошелъ онъ до того, что женился на побочной дочери консула въ Нимѣ. Онъ оставилъ дѣтей: 1. Арно. 2. Жозефа, вступившаго въ военную службу. 3. Жана, котораго прозвали нечестивымъ капуциномъ.

СЕДЬМОЙ РАЗРЯДЪ

Арно II, Т. Наслѣдство оставленное отцемъ доставило Арно II средство купить мѣсто прокурора въ Прованскомъ Парламентѣ, которое онъ занималъ такъ безкорыстно, что нѣсколько разъ президентъ просилъ его стараться съ меньшимъ жаромъ для пользы общей.—Наконецъ при одной тяжбѣ, какой то истецъ изъ военныхъ, такъ хорошо вымѣстилъ

досаду на плечахъ своего прокурора, что тотъ умеръ.—Онъ былъ женатъ на дочери одного купца, съ которой было пять несчастій,—что и было главною причиною его богатства. Плодами этого брака были: сынъ, нижеслѣдующій—и дочь, которая имѣла честь сдѣлаться матерью по милости Генеральнаго Прокурора Тулузскаго Парламента.

ОСЬМОЙ РАЗРЯДЪ

Андрей—Евгеній Т. родившійся въ 1671, сдѣлался адвокатомъ; но обобравъ нѣсколькихъ вдовъ—и задушивъ нѣсколькихъ сиротъ, былъ отданъ подъ судъ и приговоренъ къ вѣчному заключенію и многимъ наружнымъ непріятностямъ. Къ счастію что движимый любовію, онъ женился 22 лѣтъ (1693) на Жаклинѣ Парижской, названной такъ потому, что она была, найдена на паперти Св. Евстафія и не знала своихъ родителей. Въ это время носился слухъ, что супруга палача разрѣшилась отъ бремени дочерью, которую скрыла неизвѣстно куда. У Андрея Евгенія были дѣти: 1. Жозефъ Евгеній, нижеслѣдующій; 2. Сикаръ — Андрей. 3. Павелъ контрабандистъ.

ДЕВЯТЫЙ РАЗРЯДЪ

Жозефъ Евгеній II Т. вступилъ на корабль и часто ошибался въ плаваніи, потому то ни

одинъ корабль не прибылъ къ мѣсту своего назначенія — а корабль Жозефа Евгенія прибылъ въ портъ, нагруженный богатствами.— Такое увеличеніе имѣнія сдѣлало то, что нашъ герой могъ жениться на благородной дѣвушкѣ Піериле или Піериле де Вильневъ. Онъ умеръ 27 Апрѣля 1743 оставивъ по себѣ одного сына.

ДЕСЯТЫЙ РАЗРЯДЪ

Гонорій — Лудвигъ — Карлъ — Альбертъ Т. родился 30 Декабря 1740. Вѣрный пословицѣ: какъ приходитъ, такъ и уходитъ—въ четыре года промоталъ отцовское имѣніе. Для поправленія своихъ обстоятельствъ, онъ 25 лѣтъ женился на толстой Голландкѣ, которую почиталъ милліонщицей; но у нея были только ея полновѣсныя прелести и ея бриліанты. Албертъ, узнавъ объ этомъ обманѣ, очень огорчился и сошелъ въ могилу, оставивъ по себѣ многочисленное потомство.

ОДИНАДЦАТЫЙ РАЗРЯДЪ

N. N. Отецъ знаменитаго М.—Достовѣрныя мемоары дадутъ намъ средство познакомить съ нимъ публику; теперь я останавливаюсь,

чувствуя недовольно силы описать великаго человѣка, который незаконными средствами достигъ до довольно высокой степени.

Этими словами заключаетъ генеалогистъ свой трудъ.—Я не вполнѣ вѣрю этой родословной; впрочемъ

Le orai peut quelqefois n'etre pas vrai semblable

Баронъ Т... уменъ за тридцатерыхъ. У него столько ума, что для перенесенія всей его тяжести, онъ долженъ былъ отбросить въ сторону тысячу другихъ ненужныхъ добродѣтелей: напримѣръ, честность, вѣру въ данное слово, твердость и искренность. Освобожденный отъ лишней тяжести воспитанія, неучтивый по расчету и для спокойствія, говорунъ съ намѣреніемъ удавить правду веревкой лжи, онъ постоянно стремится къ предположенной цѣли. Для него честь, слава, уваженіе заключаются въ этой фразѣ: Богатъ ли онъ? можетъ ли онъ терять? Можно ли отъ него чѣмъ нибудь поживиться?

При своемъ дебютѣ въ Парижѣ у него было больше мошенничествъ, нежели сапоговъ, и чтобы доставить себѣ приличную одежду и пищу, онъ поступалъ съ своими друзьями какъ съ лимономъ; выжалъ изъ нихъ все, что

могъ—и потомъ разстался съ ними навсегда.— Ростомъ онъ съ Терслта, но не столько красивъ; если онъ скрывается въ толпѣ, то его узнаютъ по запаху, потому что тамъ, гдѣ всѣ затыкаютъ себѣ насъ, непремѣнно прошелъ Г. Т.—Онъ не садится на кресла иначе какъ съ боку,—голосъ его тонокъ; онъ пищитъ, а не говоритъ, и глаза его устремлены всегда сквозь очки на свою добычу.

Быстрое возвышеніе было черезъ чуръ скандально; испить весь возможный стыдъ, брать у всѣхъ на прокатъ совѣсть, не имѣя своей, вышедши изъ грязи, достигнуть до высоты не талантами но правилами обращаться по вѣтру; пить изъ каждой чаши, запускать руки въ чужіе кошельки какъ въ свой собственный, смѣяться надъ своими обѣщаніями, обманывать изъ забывчивости, быть бѣднымъ накунунѣ, разбогатѣть на утро, — вотъ что случается въ наше время во Франціи.

ГЛАВА V

Полупортретъ полу—лица, Герцога Ш., ГГ. Жиро, Баву, Жирарденъ, Бодъ, Гаспаренъ, Рамбюто, Мадье Монжо, Томасъ Лаказъ.—Прекрасная Англичанка. Князь П. въ гостяхъ у Миледи.—Планы Князя. Г. Шантлозъ. Г. де Монбель Настоящее его имя. Юность его. Качества. Онъ пріѣзжаетъ въ Парижъ— Женьдиба. — Онъ отказывается отъ должности.—Его назначаютъ Тулузскимъ меромъ. — Депутатомъ. Въ 1829 его дѣлаютъ министромъ. Отставка Г. Л. Монбель переходитъ въ Министерство Вн Д.—Графъ Шаброль.— Король уговариваетъ Монбеля принять Мин. Фин. 400000 фр. Революція разоряетъ Г. Монбеля.

Упомянувъ о стольких, людяхъ если не славныхъ, по крайней мѣрѣ извѣстныхъ, я слегка упомяну о другихъ, не заслужившихъ большаго вниманія. Что сказать напримѣръ о Герцогѣ Ш. какомъ то земноводномъ, слабомъ отблескѣ прежняго царствованія?

Герцогъ Ш. немогши играть свою роль при старшей отрасли, захотѣлъ выйти въ люди при младшей. Но будучи ветераномъ старыхъ формъ, онъ сдѣлался вопіющею несообразностію при новыхъ формахъ; это муха въ молочномъ

горшкѣ — и даже карикатура, потому что все то, что хорошо на своемъ мѣстѣ, становится очень худо на чужомъ.

Что сказать также о ГГ. Жиро, Баву, Жирарденѣ, Бодѣ, Гаспаренѣ, о *Rambuteau*, котораго камергеры называли grand butor Бассано, Мадье-Монжо, Бертранѣ Томасѣ, Лаказѣ и другихъ? это были надучія звѣзды или лучше сказать, ракеты, лопающіяся въ воздухѣ и разлетающіяся чернымъ дымомъ послѣ минутнаго блеска; что сказать о тысячѣ другихъ надеждахъ юной революціи не переживших ее?—Всѣ они, благодаря Бога, почіютъ въ общей могилѣ одинаковымъ сномъ; я только въ такомъ случаѣ упомяну о нихъ, если меня приведутъ къ нимъ важнѣйшія обстоятельства.

Возвращаюсь къ историческому разсказу происшествій.—Воскресенье поутру 25 Іюля 1830 пять изъ семи министровъ, составлявшихъ кабинетъ (Бурмонъ былъ заморемъ) еще не рѣшились дать свое согласіе на роковыя предписанія. Князь горѣлъ въ это время страстною дружбой къ одной пріѣзжей Англичанкѣ, которая жила въ Медонѣ неподалеку отъ Сен-Клу. Въ это воскресенье князь находился въ 9 часовъ поутру у своей подруги.

Прощаясь съ этой прелестной подругой, онъ сказалъ, недумая что говоритъ справедливо, что онъ отправляется на сраженіе.

—Съ кѣмъ же? спросила благородная миссъ или миледи, вся испуганная.

—Съ четырьмя, или пятью ничтожными людьми, которыхъ назначили моими товарищами; съ выскочками, которые спорятъ со мною съ всѣмъ необразованіемъ, всею грубостію мѣщанства, для того только, чтобы противорѣчить дворянину. Я изобрѣлъ планъ, который возвратитъ Королю всѣ его права, который осчастливитъ Францію. — Что же? Эти вчерашнія *Благородія*, эти сегодняшнія *Превосходительства* трусятъ, противорѣчатъ, разсуждаютъ! — смѣхъ, да и только!

—Но вѣдь вы одержите побѣду надъ ними?

—Безъ сомнѣнія.—Ктому же имъ скажутъ: я хочу—и они упадутъ на колѣни; тогда будетъ единогласіе въ Совѣтѣ;—завтра всеобщее изумленіе, послѣ завтра — всеобщая покорность.—Сороколѣтняя революція кончится—и возобновится прежній порядокъ вещей.

Этотъ разговоръ спустя пять дней былъ пересказанъ Генералу Б. всегда готовому встать

подъ знамена побѣдителя.—Онъ самъ разсказывалъ мнѣ его; съ другой стороны я готовъ засвидѣтельствовать, что ГГ. Пейроннс, Монбель, Госсе Капелль, Гернонъ—Ранвиль, до послѣдней минуты сопротивлялись приведенію въ дѣйствіе этого переворота. Г. Шантлозъ первый согласился, не оправдывая этой мѣры, но изъ повиновенія — что впослѣдствіи сдѣлали всѣ его товарищи.

Теперь долженъ я еще упомянуть объ одномъ человѣкѣ, который не смотря на всѣ несчастія, остался вѣренъ душой и тѣломъ Королевскому дому.

Исидоръ де Баронъ Монбель (а не Исидоръ баронъ де Монбель какъ называли его въ журналахъ, родился въ Тулузѣ въ 1788; отецъ его былъ совѣтникомъ въ парламентѣ этого города и происходилъ отъ древней дворянской фамиліи. По матери онъ былъ родственникомъ высшимъ Лангедокскимъ чиновникамъ, всѣми уважаемымъ, въ семействѣ которыхъ добродѣтели переходили изъ рода въ родъ.

Отецъ Г. Монбеля умеръ во время смутъ революціи; мать его осталась вдовою съ однимъ сыномъ и двумя дочерьми, прехорошенькими, какъ мнѣ говорили; она посвятила

жизнь свою воспитанію дѣтей, и съ этой стороны была совершенно счастлива блестящими качествами своихъ дѣтей.

Молодой Исидоръ былъ порученъ достойнымъ профессорамъ, которые внушали ему любовь къ наукамъ и добродѣтели. Сначала онъ вступилъ въ Политехническую школу и быстрые успѣхи открыли ему блестящее поприще, котораго онъ не могъ продолжать по причинѣ слабаго здоровья.—Будучи въ состояніи по произволу располагать своимъ временемъ, онъ съ одинакою охотою предался изученію правъ, литературы, химіи, исторіи и искуствъ; онъ съ пользою употребилъ времена своего юношества и сдѣлался довольно хорошимъ поэтомъ, искуснымъ ландшафтнымъ живописцемъ и прекраснымъ виртуозомъ на скрипкѣ.

Ему было 20 лѣтъ, когда покинувъ свое семейство, онъ пріѣхалъ на два года въ Парижъ. Это было въ 1810. — Презирая ничтожныя удовольствія, онъ предался занятіямъ, сродным съ своимъ характеромъ.—Въ это время писалъ онъ къ роднымъ своимъ письма въ стихахъ исполненныя остроумія, веселыхъ шутокъ и тонкихъ замѣчаній на общество.

Призванный матерью, сестрами и родственниками, онъ возвратился въ Тулузу и въ 1811 былъ назначенъ совѣтникомъ; это поприще, по которому шли его предки, казалось, должно было предохранить его отъ всѣхъ бурь и несчастій. Но судьбѣ угодно было иначе.

Во время своего пребыванія въ Парижѣ онъ чаще другихъ домовъ посѣщалъ Маркизу д' Аспъ, вдову президента тулузскаго парламента. У маркизы была одна только дочь, наслѣдница большаго имѣнія — но достойная любви и по собственнымъ качествамъ. — Отношенія родственныя, литературныя, согласіе, одинакость во вкусахъ, а наиболѣе прямой прекрасный характеръ Г. Монбеля пріобрѣли ему дружбу маркизы д' Аспъ, которая не нашла никого, кому могла бы лучше его ввѣрить счастіе своей дочери.—Она не обманулась—и бракъ совершился по желанію матери и съ полнаго согласія дочери; одно только условіе предложила своему зятю маркиза, которой роялизмъ весь обращенъ къ своимъ законнымъ властителямъ. Г. Монбель долженъ былъ отказаться отъ должности совѣтника. Онъ возвратился въ частную жизнь и въ занятіяхъ науками и искуствами нашелъ вознагражденіе за потерю мѣста.

Съ этого времени Г. Монбель сдѣлался корифеемъ роялистской партіи въ Тулузѣ и предался всѣми силами этой священной обязанности; онъ посвятилъ на это свой умъ, свои таланты, свой достатокъ и все свое время.— Многіе и теперь помнятъ нѣсколько прекрасныхъ стихотвореній Г. Монбеля, ознаменовавшихъ на Югѣ паденіе Имперіи.

При возстановленіи Бурбоновъ близкое родство съ Виллелемъ увеличило значительность Монбеля, который постоянно отказывался отъ всѣхъ должностей предлагаемыхъ ему министромъ, и принялъ только мѣсто мера въ Тулузѣ, гдѣ имѣлъ случай показать все безкорыстіе, все благородство и всю возвышенность своего характера.

Роялисты отдали ему должную справедливость, избравъ его въ депутаты. При вступленіи въ палату онъ тотчасъ отличился своимъ краснорѣчіемъ защищая Виллеля, на котораго всѣ въ то время возстали. Благородство характера Тулузскаго депутата привлекло на себя вниманіе Короля и Дофины, которые призвали его къ себѣ, посовѣтовались, и видя что можно надѣяться на этого человѣка—дали ему министерское мѣсто въ кабинетѣ, въ который онъ и вступилъ 8-го Августа 1829.

Сначала сдѣлали его министромъ народнаго просвѣщенія; этотъ выборъ, который оправдывали его глубокія и разнообразныя свѣденія— возбудилъ постыдное мнѣніе; зависть и злоба дошли до того, что стали представлять Монбеля какъ невѣжду.—Даже одинъ полковникъ, имени котораго не припомню—предлагалъ Г. Монбелю вступить въ состязаніе на счетъ свѣденій съ сыномъ своимъ, ребенкомъ.

Я описалъ уже, кажется, внутреннее разстройство бывшаго тогда министерства Г. де Л., котораго назначили въ министерство иностранныхъ дѣлъ, незахотѣвъ преклонить колѣнъ передъ кумиромъ, вышелъ въ отставку и безвозвратно затмился—такъ, что я даже не знаю на этомъ, или на томъ свѣтѣ онъ теперь находится.

Искусный начальникъ ни какъ не могъ предвидѣть уменьшенія своего совѣта. А когда уменьшеніе случилось, тогда пойманный врасплохъ, началъ кидаться во всѣ стороны, незная гдѣ найдти товарища. Умные люди откланивались; а неспособныхъ онъ боялся, потому что они походили не него. Въ этихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ Дофина умоляла Г. де Монбеля оставить портфейль народнаго просвѣщенія и принять на себя ми-

нистерство иностранныхъ дѣлъ.—Благоразумный Тулузскій депутатъ нерѣшался принять эту должность—хотя могъ выполнить ее не хуже другаго; наконецъ убѣжденный просьбами Дофины согласился, страшась, чтобы Князь не принялся самъ за этотъ портфейль.

Но такъ какъ тогда были помѣшаны на политическихъ переворотахъ — то Графъ Шаброль, тонкій государственный человѣкъ, бывшій министромъ финансовъ, предвидя пропасть, въ которую готовились сбросить ихъ всѣхъ переворотами, и разсудивъ, что глупо былобы не удалиться — незадого до катастрофы объявилъ, что выходитъ въ отставку.

Невозможно было побѣдить его рѣшимость, и это произшествіе сдѣлало новое разстройство въ кабинетѣ.—Президентъ предлагалъ портфейль множеству посредственныхъ людей, которыхъ находилъ геніальными, и всѣ отказались потому, что опасность была слишкомъ явна и близка. — Наконецъ Графъ Пейроннс согласился вступить въ министерство и подкрѣпить его своими блестящими дарованіями; но не рѣшался принять министерство финансовъ.—Этотъ отказъ увеличилъ смущеніе.

Король самъ разсѣкъ этотъ Гордіевъ узелъ не говоря о томъ никому ни слова. Онъ при-

звалъ къ себѣ Г. Монбеля, и пользуясь своимъ вліяніемъ на открытое, благородное сердце добраго подданнаго, упросилъ его принять министерство финансовъ;—а Г. Монбель принесъ эту тягостную жертву—изъ преданности къ Королюзабылъ самолюбіе; потому эти безпрерывныя перемѣны портфейлевъ въ такое короткое время, необходимо должны были уменьшить нѣсколько уваженіе, которымъ пользовался Г. де Монбель.

Онъ хотѣлъ было отказаться — но будучи роялистомъ въ душѣ, не имѣлъ довольно силы, Карлъ X сказалъ ему, что его отставка или отказъ дадутъ силу непріятелямъ — и Г. Монбель отвѣчалъ съ радостію, можетъ быть принужденною,

—Въ такомъ случаѣ, Ваше Величество, я во сто разъ лучше готовъ отдать себя на съѣденіе всѣмъ дикимъ и домашнимъ звѣрямъ оппозиціонныхъ журналовъ.

Онъ согласился, но съ горестію и самоотверженіемъ. Съ этой минуты никто не видалъ его веселымъ; остроуміе, шутливость его какъ будто исчезли: онъ видѣлъ пропасть, куда стремились всѣ его товарищи.

—

Вотъ все, что можно сказать объ этомъ государственномъ человѣкѣ, бывшемъ у дѣлъ на такое короткое время—и оставившемъ по себѣ чистую блестящую славу. Онъ не только не составилъ себѣ въ годъ большаго состоянія—даже не увеличилъ своего родоваго имѣнія ни полушкой. — Напротивъ Іюльская революція разорила его; на него возложили отвѣтственность въ суммѣ 400000 франковъ, за которые имѣніе его находится въ секвестрѣ. Его совершенно разорили.

ГЛАВА VI.

Положеніе дѣлъ около 25 Іюля 1830. Визитъ Г. В. Разговоръ нашъ.—Генералъ въ замѣшательствѣ. Доходная измѣна.— Я насмѣхаюсь надъ нимъ. Великій гражданинъ у меня въ гостяхъ. Прибытіе маркиза Лафайета. Безкорыстіе банкира министра финансовъ. Письмо мое къ Г. Д.— Совѣтъ.—Драматическое помѣшательство.—Государственная тайна выпытанная отъ прекрасной Англичанки, М. Б. В. и я сжигаемъ предписанія.—Почему мы это дѣлаемъ. Записка Г. М. увѣдомляетъ меня о происходящемъ въ Сен—Клу.—Я оканчиваю письмо къ Д.

Мы приближались къ послѣдней минутѣ; глубокое и основательное безпокойство царствовало во всѣхъ умахъ; выборъ электоровъ ясно доказывалъ, что большинство палаты будетъ противиться министерству; что всѣ мѣры министровъ будутъ отвергнуты и что если Король захочетъ поддержать ихъ, то политическій переворотъ сдѣлается необходимымъ. Депутаты съѣзжались; уже обѣщали они народу освободить его отъ отягощеній. Имъ отвѣчали торжественными клятвами, клялись поддерживать ихъ, и всѣ граждане, вовсе

того не думая приготовлялись къ междоусобной войнѣ.

Я безпокоился, я любилъ отечество и мнѣ не хотѣлось, чтобы королевская фамилія принуждена была вторично бѣжать изъ Франціи: мнѣ не хотѣлось, чтобы республика заняла мѣсто монархіи; или чтобы частный человѣкъ воснелъ на престолъ.—Я ложился спать въ тоскѣ, съ тоскою просыпался! Какъ длинны казались мнѣ ночи, за то дни быстро проходили, потому что множество посѣтителей являлись ко мнѣ безпрестанно; всѣ приносили новости—и я не имѣлъ времени соскучиться.

Воскресенье поутру 25 Іюля только что я проснулся, какъ мнѣ доложили о прибытіи генерала Б.—Это посѣщеніе удивило меня. Я очень мало зналъ генерала; онъ занималъ важное мѣсто и не любилъ сближаться съ людьми противной партіи, въ которой и я находился. Чего же хотѣлъ отъ меня этотъ генералъ, который если не считался въ арміи въ числѣ храбрыхъ и искусныхъ, за то во дворцѣ имѣлъ репутацію ловкаго придворнаго?

Мы находились въ такой эпохѣ, гдѣ должно было выслушивать всѣ партіи, чтобы понять дѣло.—Это принудило меня принять такъ рано визитъ, отъ котораго я въ другое

время можетъ быть отказался бы. — Я вышелъ въ залу, и увидѣлъ генерала Б.

Разговоръ естественно начался о политическомъ положеніи дѣлъ. — Генералъ показался мнѣ не въ шутку озабоченнымъ; какой то инстинктъ заставлялъ его предугадывать, что Герцогъ Орлеанскій можетъ быть скоро займетъ высокое мѣсто и что стало быть тѣ, которые первые примутъ его сторону, будутъ имѣть право на его признательность.— А это было заманчиво.

Но съ другой стороны, не смотря на досаду большей части Избирательной палаты, Карлъ X еще имѣлъ столько могущества, столько средствъ, что паденіе его казалось едвали вѣроятнымъ; и такъ послѣ легкой и короткой борьбы, могшей кончиться въ его пользу, наказаніе постигло бы всѣхъ тѣхъ, которые приняли противную сторону.

Все это смущало Генерала; онъ хотѣлъ узнать мое мнѣніе. Онъ слышалъ, что приверженцы Герцога Орлеанскаго болѣе нежели когда либо употребляли всѣ средства для доставленія ему короны—и онъ могъ открытіемъ этой важной тайны правительству принести себѣ множество выгодъ.—Но могъ ли

онъ безъ опасности объявить о заговорѣ? можно ли было быть увѣреннымъ, что побѣда останется на сторонѣ Короля? Если бы Король проигралъ, то доносчикъ погибъ бы безвозвратно. Все это было довольно затруднительно и Генералъ рѣшился просить моего совѣта.

Никогда еще не видалъ я такого обнаруженія эгоизма, корыстолюбія и жажды къ почестямъ, какъ въ этомъ человѣкѣ; если бы я еще уважалъ людей, то этотъ случай совершенно уничтожилъ бы послѣдній остатокъ уваженія: Гну Б. непремѣнно, такъ или этакъ, хотѣлось сдѣлаться измѣнникомъ, но измѣна его должна была принесть ему пользу; потому что за радость обезчестить себя безъ выгодъ.—Мы жили въ такое время когда нельзя было говорить открыто въ лице такимъ людямъ; я удержался и отвѣчалъ генералу, что будучи на его мѣстѣ я бы отдалъ утренній визитъ въ Нельи — а вечеромъ поѣхалъ бы во дворецъ; что должно было предложить свои услуги Королю и Герцогу, нанять квартиру между двумя замками и сказавшись больнымъ никуда не выѣзжать изъ дому до окончанія борьбы.

Этотъ хитрецъ такъ былъ занятъ своею мыслію, что не понялъ моей насмѣшки; онъ принялъ ее за правду и отвѣчалъ со вздохомъ:

—Конечно, совѣтъ вашъ хорошъ, но эти болѣзни кстати всѣмъ хорошо извѣстны и злые люди тотчасъ воспользуются такимъ случаемъ, чтобы погубить того, кто рѣшится простудиться или разстроить свои нервы.

Прибытіе Г. Л. заставило его удалиться. О! да какъ перемѣнилась физіономія у банкира— Государственнаго человѣка со времени нашего послѣдняго свиданія!—Какъ выросъ онъ! Видно было, что какое нибудь произшествіе увеличило его важность въ собственныхъ глазахъ.—Съ покровительственною миною взглянулъ онъ на меня и сказалъ, что того же утра *депутація отъ всего французскаго народа* умоляла его спасти отечество и принять на себя бремя правленія.

Я чуть было не спросилъ его: не въ томъ ли самомъ магазинѣ одѣвалась эта народная депутація, въ которомъ въ 1791, *главная депутація человѣческаго рода*, поздравлявшая учредительное собраніе, брала свои костюмы; впрочемъ я удовольствовался тѣмъ, что казался удивленнымъ—но банкиръ съ примѣтною скромностію говорилъ, что все это очень естественно и что его, Гна. Л., добродѣтели, таланты, способности сдѣлали его *великимъ гражданиномъ*. Что такъ какъ революція неизбѣжна,

то очень естественно, что народъ выберетъ повелителемъ человѣка, котораго обожаетъ.

—Я дѣлаю это противъ воли, прибавилъ онъ; я не честолюбивъ, но люблю свое отечество и пожертвую этой любви моей независимостію.—Знаю, что Л. добивается президентства; но достоинъ ли онъ этого мѣста? что онъ смыслитъ? какой онъ государственный человѣкъ? пусть онъ не ищетъ выскочить повыше—и я сдѣлаю его начальникомъ національной Гвардіи и дамъ ему 150000 франковъ жалованья.

Я повторяю слово въ слово.

—Что же касается до васъ, Князь, продолжалъ онъ, обратясь ко мнѣ, то цѣня вашъ умъ и ваши способности, предлагаю вамъ портфейль министра Иностранныхъ дѣлъ, Клозель или Жераръ будетъ править военнымъ министерствомъ—зять мой морскимъ, Биньонъ внутренними дѣлами, Г. Беранже Юстиціи, а себѣ оставляю пока финансы.

Я слушалъ—слушалъ—и обезумѣлъ!—Какъ! такіе ничтожные люди хотятъ управлять Королевствомъ и еще удивляются важничанью маленькаго П. Смѣхъ—или лучше сказать—горе! Чортъ возьми! сказалъ я освѣщенный вне-

запною мыслію—я употреблю всѣ средства, чтобы эти дураки не отдали власти какому нибудь ничтожному человѣку; эта глупость возможна. Если точно случится революція, то ее произведутъ вліяніе комерціи: дѣйствующими лицами будутъ купцы, лавочники, прикащики; народъ слѣпой и безтолковой, почитающій банкира геніемъ гна—А досадно, если эту ворону одѣнутъ въ павлиныя перья. Если старшая линія лишится престола, то не должно, чтобы Королевство и правительство пали вмѣстѣ съ нею; и да не выдетъ скипетръ изъ рукъ племени Іудина. Нѣтъ! Франція не будетъ принадлежать ни якобинцамъ, ни Бонапартистамъ, ни *великому гражданину*, самому смѣшному изъ всѣхъ насъ; но сама по убѣжденію, изъ благоразумія, для собственнаго своего счастія отдастся одному умному человѣку, котораго я знаю, Е. К. В. Герцогу Орлеанскому.

Вотъ что я думалъ, и многіе умные люди думали тоже самое.—Чѣмъ больше я разсуждалъ объ этой мысли, тѣмъ больше она мнѣ нравилась; пора была окончить революціи—а это могло случиться только тогда—когда на престолѣ былъ бы владѣтель, который далъ вѣчный залогъ своей твердости, своего ума и благороднаго характера.

Въ то время, какъ я такимъ образомъ разсуждалъ, Г. Л.—самый говорливый человѣкъ съ тѣмъ, кто имѣетъ терпѣніе его слушать, объяснилъ мнѣ планъ правительства, сочиненный имъ и его друзьями для пользы націи между двумя бутылками пѣнистаго Шампанскаго.

Онъ хотѣлъ возновновить консульство, самъ хотѣлъ быть первымъ консуломъ, вторымъ назначалъ добраго Дюпона, котораго товарищи потому превозносятъ до небесъ, что безъ ихъ помощи онъ туда не доберется; а третьимъ Генерала Г. Я спросилъ почему не помѣстилъ онъ Герцога Ш, который употреблялъ всѣ средства понравиться либераламъ.

Мнѣ отвѣчали, что не хотятъ дворянъ.

—Очень благодаренъ! сказалъ я про себя. Дворяне обработаютъ дѣла такъ, что корона будетъ принадлежать только благороднѣйшему изъ нихъ.

Этотъ день былъ для меня днемъ встрѣчь. Только что успѣли Гна. Л. втащить въ его карету, какъ появился экипажъ маркиза Л.

—Что, сказалъ я, не поздравить ли уже нашего знаменитаго президента? потому что по ходу дѣлъ. . .

(Я еще не зналъ о Королевскихъ приказаніяхъ.)

—Нѣтъ еще! отвѣчалъ онъ съ холодностію; но прежде трехъ мѣсяцевъ вы будете у меня въ hotel de ville, гдѣ я намѣренъ учредить засѣданіе правительства. Князь и любезный современникъ! я для того нагнулся, чтобы выше вспрыгнуть. Въ 1789 груша еще не созрѣла; тогда невозможно было учредить мудрую раціональную республику; теперь пора!— Пророчество, сказанное мною Графу Рошфору д'Алли 31 декабря 1815 готово исполниться. Для объясненія этой фразы я долженъ прервать разсказъ—и возвратиться къ одному коротенькому анекдоту.

Однажды когда маркизъ Л. садился въ карету и хотѣлъ куда то ѣхать, графъ Рошфоръ д'Алли въѣхалъ къ нему на дворъ. Это было въ новый годъ, у нихъ произошелъ споръ учтивости. Графъ хотѣлъ уѣхать — хозяинъ не пускалъ его; но наконецъ сказалъ ему:

—Не поѣдете ли вы отсюда въ faubourg Saint Germain?

—Я такъ и располагался.

—Не ѣдемъ ли мы оба въ одинъ домъ? я ѣду къ мадамъ Сталь.

—Я тоже хотѣлъ заѣхать сегодня поутру къ ней, отвѣчалъ Графъ Рошфоръ

—Въ такомъ случаѣ садитесь ко мнѣ въ карету; мы поѣдемъ вмѣстѣ и я не потеряю удовольствія вашего посѣщенія.

Они садятся въ карету и ѣдутъ разговаривая. Разговоръ обратился на смерть маршала Нея и Л. сказалъ Рошфору:

—Я увѣренъ, Графъ, что власть Бурбоновъ не долго продолжится во Франціи. Они два раза возвратились съ помощію чужестранцевъ и принесли съ собою свои предразсудки, ошибки, свои мелочные виды. Они будутъ ошибаться по прежнему — и ихъ возненавидятъ; на нѣсколько времяни ихъ потерпятъ, но всякому терпѣнію есть конецъ и вы увидите что какъ нибудь имъ скажутъ *мое почтеніе!*—Повѣрьте, рано, или поздно, у насъ явится республика, которой я буду Президентомъ.

Графъ Рошфоръ, которому Л. говорилъ не въ тайну, пересказалъ мнѣ этотъ разговоръ; я говорилъ про это *герою двухъ частей свѣта*; и онъ не забывалъ съ тѣхъ поръ своего изреченія и припомнилъ его 25 Іюля 1830, когда знаменитой фразѣ было четырнадцать лѣтъ и почти семь мѣсяцевъ отроду.

Возвращаюсь къ нашему разговору.

—Стало быть, сказалъ я, вы очень увѣрены въ своемъ президентствѣ, потому что безпрестанно про него говорите.

—Это неминуемо.

—А есть купцы, которые хотятъ выбрать на это мѣсто Г. Лафитта.

—А! великаго гражданина! сказалъ съ улыбкою Маркизъ!—знаю, что это его любимая мечта; эти богачи думаютъ, что они способны на все и могутъ даже управлять Государствомъ! точь въ точь какъ адвокаты, воображающіе что для управленія королевствомъ довольно умѣнья составить пустую и звонкую фразу.—Нѣтъ! Г. Лафитъ не отобьетъ у меня мѣста, потому что я сдѣлаю его министромъ финансовъ.

—Остерегитесь—отвѣчалъ я—эти господа привыкли обращаться съ Государственнымъ Казначействомъ, какъ съ своимъ собственнымъ сундукомъ.

Мы посмѣялись и Г. Л. уѣхалъ.—я велѣлъ всѣмъ отказывать и сѣлъ писать письма къ Г. Д.... и къ.... вотъ онѣ.

« У васъ много ума; въ одномъ мѣстѣ принимаютъ ваши совѣты. Поѣзжайте же и уго-

ворите своего кліента, чтобы онъ не удалялся отъ Парижа и наблюдалъ все, что случится.»

« Если его позовутъ въ Сен-Клу, уговорите его не ѣздить, пусть онъ даже скроется, но будетъ готовъ явиться въ Парижѣ; черезъ нѣсколько дней корона будетъ въ hotel de ville. Постарайтесь, чтобы изъ нея не сдѣлали ни военнаго кивера ни президентской шляпы, — потому что есть двое людей, желающихъ надѣть этотъ головной уборъ. Я знаю что А. де В. раздаетъ деньги отъ имени Герцога Рейхштадтскаго; поговариваютъ и о Богарне, но лучше остаться при Борбонахъ. — Если же необходимъ выборъ, то отъ старшей линіи можно перейдти къ младшей. Отъ скольких несчастій избавилась бы Франція, еслибы въ 1814 или 1815 сдѣлали то, что можетъ сдѣлаютъ черезъ недѣлю.

» Не должно давать ходу революціи; Король долженъ быть готовъ принять скипетръ; не давайте республиканцамъ времени дѣйствовать, — а Бонапартистамъ собраться; а главное чтобы эти партіи не сблизились. — Времени не много; одни говорятъ, что переворотъ совершится въ Воскресенье, черезъ недѣлю; другіе увѣряютъ, что будутъ дожидаться непріязненныхъ дѣйствій со стороны палаты

Депутатовъ. Маленькій П. не устоитъ; однако сегодня канцелярія отправила повѣстки. Кто то ломится въ дверь; слышу какъ лакеи мои не пускаютъ; кто бы это былъ... посмотрѣть...

Я сказалъ правду: ко мнѣ вошелъ М. съ Б. и съ В. — краснымъ, какъ индѣйскій пѣтухъ. Они были прямо изъ Сен-Клу; нѣтъ — изъ Медона, и знали все. Хорошенькій подарокъ, врученный хорошенькой Англичанкѣ, помогъ имъ вывѣдать государственную тайну. — Что же принесли они мнѣ? Угадайте: копію роковыхъ предписаній, подписанныхъ Королемъ и скрѣпленныхъ П.

Мы держали ихъ въ рукахъ, ощупывали, читали и не вѣрили; намъ было странно при этомъ открытіи и жаль было людей, которые неразсудительно пускались въ такую большую и опасную игру. Что съ ними дѣлать?—Былъ первый вопросъ.

—Сжечь! отвѣчалъ я.

— Для чего!

— Они не могутъ намъ быть ни на что полезны, — а легко запутаютъ насъ. Не пойдемъ ли мы съ этими предписаніями въ рукахъ возбуждать народъ къ возстанію.

— О! нѣтъ!

— Станемъ ли мы хвастать, что имѣемъ ихъ у себя?

— Нѣтъ!

— Начнемъ ли переписывать копіи для друзей, чтобы обратить вниманіе полиціи?

— Еще меньше!

— Не хотите ли вы съ помощію этихъ документовъ начать революцію и предать Короля, П. Л. В. — мщенію гражданъ? — не хотите ли подвергнуться отвѣтственности въ ихъ несчастіяхъ? Такой героизмъ очень близокъ къ униженію; во Франціи доказщиковъ не терпятъ; эти документы или кончатся ничѣмъ, останутся безъ исполненія, или завтра же будутъ напечатаны въ монитерѣ. Въ первомъ случаѣ остерегайтесь порицанія; голосъ толпы обезчестилъ бы насъ и сдѣлалъ чѣмъ то въ родѣ сыщиковъ Видока. Во второмъ случаѣ открытіе наше только ускорило бы паденіе трехъ виновныхъ Министровъ. Подумайте притомъ, какую роль долженъ играть въ этомъ дѣлѣ Король? и если наше открытіе повергло въ несчастіе и его особу.

Я еще не договорилъ—какъ Г. В. увидавъ мою фосфорическую машину зажигалъ ужас-

ныя бумаги. Съ боязнію и радостію смотрѣли мы, какъ онѣ горѣли; искорки перебѣгали еще по пеплу, какъ мнѣ подали письмо присланное изъ Сен-Клу съ курьеромъ отъ М. — и написанное цифрами.

» Я все знаю! Совѣтъ собранъ и разсуждаетъ о пагубныхъ мѣрахъ, которыя возмутятъ все королевство. — Палата уничтожена; многія статьи хартіи нарушены; уменьшено число депутатовъ, электоровъ; цензура возобновлена; 14-я статья хартіи дѣлается орудіемъ возвращающимъ безотчетную власть. Все это правда! я въ отчаяніи; на меня надѣются..... М...

Мы поздравили другъ друга съ сожженіемъ бумагъ. П. де В. тотчасъ же ушелъ, чтобы принять мѣры къ обезопасенію своей собственности. Я взялъ перо и дописалъ начатое мною письмо:

»Не даромъ я любопытствовалъ. — Я знаю происходящее; все кончилось, или оканчивается; прочтите это (я переписалъ письмо М.) что вы думаете? Несчастные! — Они ничего не забыли, ничему не научились; что бы ни случилось—god save the king!—Боже! спаси Короля! — Но можно ли спасти его.

»Что касается до васъ, не теряйте минуты: секунды теперь дороже недѣль. — Я увѣренъ

что завтра же Парижъ вооружится. Во вторникъ потечетъ кровь, и междоусобная война можетъ разлиться по департаментамъ.

»Парижъ! Парижъ! подумайте о Парижѣ; въ немъ разрѣшится вопросъ и онъ раздраженъ больше нежели другіе города. Сколько крови прольется въ немъ! — О еслибы кишками Робеспьера удавили этаго II.... то-то былъ бы прекрасный переворотъ!.. Франція была бы счастлива, а Королевскій домъ спасенъ. — Есть люди увлекающіе другихъ людей—такъ! но увлечь за собою Короля, Королевство.... нѣтъ, это слишкомъ. — Прощайте! — »

ГЛАВА VII.

Г. Плугульмъ.—Копія съ другаго письма, написаннаго мною 25 Іюля 1830.—Ошибки Короля.—Слабость его.—Откуда произойдетъ революція.—Доказательство нетерпѣнія Французовъ.—Реэстръ людямъ, которымъ въ 1830 роздали нѣсколько милліоновъ по ихъ безкорыстной просьбѣ. Портретъ Казимира Перье.—Обѣ стороны медали.—Мнѣніе Карла X о Казимирѣ Перье.—Упрямство Перье.—Страсть его къ владычеству.—Онъ умираетъ въ горячечномъ бреду.—Записная книга моего швейцара.—Я первый выдумалъ крикъ.—Vive la charte.—Я внушаю Л. мысль, которой онъ и не имѣлъ.

Хотя г. Плугульмъ не написалъ и не издалъ, такъ какъ ему было поручено, Исторіи сего переворота; хотя онъ и не способенъ написать что либо, однако множество другихъ писателей, хорошо или худо, но столько написали о памятныхъ дняхъ 27, 28 и 29 Іюля 1830 года, что я считаю слишкомъ упомянуть о нихъ.

И такъ не разсказывая того, что всѣмъ извѣстно, я разскажу только о томъ, что еще неизвѣстно; тайныя дѣянія этого времени, когда страсти самыя низкія пробудились рядомъ съ страстями самыми благородными.

Прежде нежели поведу читателя на новую дорогу, мнѣ должно показать ему предшествовавшее и переписать второе изъ писемъ, написанныхъ мною 25 Іюля:

»Кости брошены. Партія начинается; кто началъ, тотъ долженъ проиграть, хотя имѣетъ множество средствъ для выигрышу. Замѣтьте, вы, который по всѣмъ вѣроятіямъ возьмете въ свою очередь карты, что тотъ, кому даютъ шлемъ, подвергается тому по своей собственной ошибкѣ.

Я не дописываю окончанія этого письма и еще одного любопытнаго счета, который показываетъ какую сумму требовали благородные и безкорыстные люди того времени. Я помню что въ немъ было:

600 000	фр. за.	
300 000	— — — — Г.	В. . . . С. . . .
500 000	— — — — — —	М. . . . n. . . .
400 000	— — — — — —	Т. . . . s . . .
200 000	— — — — — —	В. . . . n. . . .
200 000	— — — — — —	L. . . . h. . . .
300 000	— — — — — —	О. . . . В. . . . t.
250 000	— — — — — —	G. . . . D. . . .
500 000	— — — — — —	D. . . . n. . . .

И еще 2,750,000 ливровъ розданныхъ нѣкоторымъ другимъ.

Во весь вечеръ домъ мой находился почти въ осадѣ; либералы выказывали упадокъ духа.

Парижъ уже находился въ безпокойствѣ, а ничего еще не было извѣстно. — На другой день приказанія появились въ Монитерѣ. — Первый явился ко мнѣ Казимиръ Перье. Я подумалъ, что увидѣлъ труса: такъ онъ былъ блѣденъ; онъ думалъ, что его преслѣдуетъ полиція; боялся возмущенія, двора, боялся всего на свѣтѣ; мое старинное хладнокровіе ободрило его, и при всемъ томъ изъ всѣхъ онъ былъ самый твердый, умный и искусный.

Казимиръ Перье былъ бы на своемъ мѣстѣ, если бы родился Герцогомъ и Перомъ. Изъ всѣхъ разночинцевъ одного его можно было принять за дворянина. Онъ имѣлъ возвышенный характеръ дворянства, гордость и взглядъ на предметы дворянина. — Онъ ненавидѣлъ толпу, былъ не на мѣстѣ съ своими товарищами и ежедневно сожалѣлъ, что онъ не старшій въ родѣ; твердый, краснорѣчивый, образованный, онъ сдѣлался бы со

временемъ настоящимъ дипломатомъ. — Онъ походилъ на г. Лафита также какъ солнце походитъ на маленькую звѣздочку. — Обхожденіе его выказывало почти вельможу — а обхожденіе его соперника, великаго гражданина, всегда отзывалось лавочкой. Казимиръ Перье съ жаромъ брался за всѣ дѣла; онъ говорилъ хорошо, хотя правда не всегда бывала на его сторонѣ; въ немъ было довольно энергіи и независимости, и преклонялся даже съ достоинствомъ.

Карлъ X умѣлъ цѣнить его, даже имѣлъ къ нему какое то влеченіе. Въ послѣднее время своего царствованія онъ говорилъ мнѣ, что изъ всѣхъ либераловъ любилъ только одного Перье. — Онъ часто обманываетъ меня, говорилъ онъ — такъ что я готовъ принять его за вельможу.

Король согласился бы даже видѣть Казимира Перье въ кабинетѣ. Перье зналъ это очень хорошо; потому что при катастрофѣ кабріолетъ его два раза невольно поворачивалъ на дорогу Сен-Клу, и онъ когда, спустя нѣсколько дней, вступилъ въ переговоры съ Пале Ройалемъ, то сдѣлалъ это недобровольно. Онъ былъ созданъ для того, чтобы служить старшей линіи, и людскія страсти сов-

ратали его съ этого пути. Незадолго до своей смерти, говоря мнѣ о горести, которую онъ чувствовалъ, когда его заставляли играть роль маріонетки, онъ вскричалъ:

— Князь! если бы Карлъ X увидалъ меня, то навѣрно не сдѣлалъ бы мнѣ упрековъ больше, нежели я самъ. — Какъ много взялъ на себя отвѣтственности тотъ, кто осмѣлился сказать: уже поздно! Конечно, цѣлый день я думаю, что поступилъ хорошо, но приходитъ ночь — и сонъ и безсонница говорятъ мнѣ, что я поступилъ худо.

Но въ этой блестящей картинѣ было множество тѣней. Казимиръ Перье былъ жестокъ, гордъ, самонадѣянъ, подозрителенъ, недовѣрчивъ, упрямъ.— Никто не долженъ былъ ему сопротивляться; онъ хотѣлъ бы управлять своими товарищами, какъ рабами; однимъ словомъ царствовать безотчетно. Всякое сопротивленіе раздражало его, бѣсило, выводило изъ себя и этотъ недостатокъ затемнялъ всѣ хорошія качества. Самолюбіе его было неограниченно.

На трибунѣ этотъ государственный человѣкъ вмѣсто того, чтобы возвышаться, упадалъ съ каждымъ днемъ. Умѣренное замѣча-

ніе, легкое противорѣчіе выводили его изъ себя; онъ вспыхивалъ, краснѣлъ, кусалъ себѣ губы до крови; глаза его сверкали — черты коверкались судорогами; какое то трясеніе овладѣвало всѣми его членами и онъ говорилъ слова, которыя послѣ выкупилъ бы милліонами.—Голосъ его былъ сухъ и повелителенъ; видно было, что онъ хотѣлъ властвовать, а не убѣждать; хотя онъ не говорилъ своему противнику: *молчите!* но всѣ жесты говорили тоже самое и вслѣдствіе того вызывали на противорѣчіе. Онъ какъ дитя радовалъ своихъ противниковъ, опечаливалъ друзей и приводилъ въ отчаяніе тѣхъ, которые умѣли цѣнить его прекрасные таланты и добрыя намѣренія.

Онъ такъ сильно предался этому недостатку, что не могъ бы быть президентомъ кабинета. Власть его была утомительна для всѣхъ и лучше хотѣла сносить нескусное, но кроткое владычество Г. Лафитта, нежели его, мудрое но взыскательное — Онъ самъ чувствовалъ свою слабость, но не могъ исправиться— Воспитанный подъ деспотизмомъ мануфактурщиковъ, онъ требовалъ отъ общества безусловнаго повиновенія работниковъ. Въ Визиллѣ онъ былъ болѣе нежели Король; воля его тот-

часъ исполнялась. Въ совѣты и Палаты приносилъ онъ туже повелительность и удивлялся, что его не боятся. Тогда забывая, что товарищи его были ему равны, что Перы и Депутаты могли быть его судьями, онъ бѣсился на противорѣчія и всякое замѣчаніе считалъ знакомъ ненависти къ себѣ.

Даже Король принужденъ былъ напоминать ему неизмѣримое разстояніе ихъ раздѣлявшее; потому что онъ часто готовъ былъ забыть его.

Невозможно было ему долго оставаться на мѣстѣ, имѣя такой пылкій, раздражительный характеръ. Поссорившись съ совѣтомъ, съ Палатами, наконецъ съ журналами, принося на всѣ битвы туже неукротимость, туже ярость, онъ долженъ былъ спалить свою кровь, изсушить сердце и ослабить голову. Потому онъ умеръ въ ужаснѣйшихъ конвульсіяхъ и въ бреду, произшедшемъ отъ безпрерывнаго сопротивленія его волѣ.

Франція понесла въ немъ большую потерю—но утѣшилась въ ней увѣренностію, что не моглабы долго пользоваться его умомъ и достоинствами.

Я долго описывалъ этаго человѣка и не удивительно; такіе характеры встрѣчаются не

часто,—а характеръ Перье былъ конечно самый замѣчательный въ послѣднюю революцію; онъ какъ метеоръ блестѣлъ яркими огнями, но не оставилъ по себѣ никакаго произведенія своего ума или своей политики. Онъ появился, блеснулъ, сгорѣлъ и небо послѣ этого блеска сдѣлалось также мрачно, какъ было сначала.

Понимая трудность моего положенія, я 26 Іюля велѣлъ отказывать всѣмъ, говоря, что я въ деревнѣ. Короткіе знакомые знали, какимъ образомъ дойти до меня; записная книга моего дворецкаго о пріѣзжающихъ, сама по себѣ была въ этотъ день рѣдкостію, за которую англійскій туристъ заплатилъ бы большія деньги. Каждую четверть часа устроенная мною цѣпь вѣстовщиковъ приносила мнѣ вѣсти обо всемъ, что происходило въ Тюйльри, на набережныхъ въ hotel de ville,на биржѣ, на бульварахъ, въ предмѣстіяхъ; другая сообщала меня съ Сен-Клу. Такимъ образомъ до Пятницы вечера, я лучше всѣхъ зналъ все происходившее.

Съ самаго начала я сталъ дѣйствовать какъ будто старшая линія уже проиграла свое дѣло, потому что былъ увѣренъ въ этомъ. Я принудилъ многочисленныхъ партизановъ Е. К. В. Герцога Орлеанскаго стараться разру-

шить планы республиканцевъ и бонапартистовъ.—Я первый возымѣлъ счастливую мысль заставить толпу кричать: *vive la charte!* Я зналъ, что неминуемый страшный крикъ: *vive la republique* такъ напугалъ бы всѣхъ, могущихъ потерять что нибудь, что всѣ онѣ тотчасъ бы перешли на сторону Карла X.—Я боялся, чтобы крикъ: *vive le roi de Rome* не сдѣлался всеобщимъ, и чтобы въ воспоминаніе Наполеона всѣ военные и воспитанники школъ не подкрѣпили партію бонапартистовъ, которая и такъ казалась мнѣ слишкомъ могущественной.

Крикъ: *vive la charte* избавилъ насъ также отъ другаго возгласа: *vive Lafayette*, который благодаря множеству зѣвакъ, находящихся въ Парижѣ также могъ сдѣлаться опаснымъ; очень естественно, что сорокалѣтніе мечты Маркиза могли осуществиться.

Во вторникъ я послалъ къ Маркизу Л. М... который не засталъ его дома; добрый Маркизъ, страшась, чтобы его не сдѣлали слишкомъ рано знаменемъ, вышелъ, я угадалъ, что онъ долженъ былъ быть у Лафитта, или у Перье; незнаю откуда привелъ его ко мнѣ Пажесъ, увидавъ его, я пошелъ къ нему на встрѣчу и поцѣловалъ его.

Поздравляю васъ, сказалъ я ему, съ счастливой мыслію честнаго человѣка, истиннаго патріота и безкорыстнаго героя: кто въ состояніи укротить страсти, возвратить Франціи спокойствіе какъ не Герцогъ Орлеанскій; вы избираете его на мѣсто Генералъ-Лейтенанта Королевства—вы правы.

По взгляду моего собесѣдника, я увидалъ, что онъ за секунду и не думалъ объ этомъ. Онъ началъ заикаться.

Кто вамъ сказалъ?... въ самомъ дѣлѣ..... точно... онъ прекрасный человѣкъ.

Вы и онъ!—соединятъ васъ—и все пойдетъ какъ нельзя лучше.

О, нѣтъ!—его сначала...

Пожалуй! и приличія того требуютъ.. И такъ Герцогъ будетъ Генералъ-Лейтенантомъ Королевства-а вы главный начальникъ національной гвардіи; право при этакомъ правленіи—монархическое правленіе будетъ самою лучшею республикою.

ГЛАВА VIII.

Г. Л. въ моихъ перьяхъ. Письмо мое къ Князю П. — Быстрый взглядъ на три дня. — Отдыхъ послѣ побѣды. Г. Дюпенъ, Себастіани, Жераръ и друг. струсили. Г. Могенъ, Бодъ, Тьеръ, Гизо, Одилонъ Барро, Трени, Кавеньякъ, Арманъ Коррель. — Геройская ошибка Герцога Шартрскаго. — Романсъ; Нина. Причины, призывающія въ Парижъ Е. К. В. Герцога Орлеанскаго. — Посолъ мой Рѣчь его къ Герцогу. Гомерическій отвѣтъ Е. К. В. Испугъ его дочерей и супруги: Героизмъ Мадамъ Аделаиды. — Герцогъ отправляется въ путь. Какъ его принимаютъ на баррикадахъ. — Вступленіе его въ Пале-Рояль. — Предвѣщаніе.

Въ концѣ прошедшей главы я упоминалъ при какомъ случаѣ я сказалъ фразу, которая, повторенная послѣ въ hotel de ville, сдѣлала такое сильное впечатлѣніе на народъ. — Л. она поразила сказанная мною; онъ запомнилъ ее, произнесъ при случаѣ и его расхвалили за нее.

Мы продолжали разговоръ въ томъ же тонѣ. — Я такъ напугалъ будущаго президента республики вліяніемъ партіи бонапарти-

стовъ, которую онъ въ особенности ненавидѣлъ, что не желая видѣть на престолѣ Герцога Рейхштадтскаго или Іосифа Бонапарте, онъ далъ обѣщаніе не мѣшать перевороту, который сдѣлался бы съ тѣмъ, чтобы доставить Герцогу Орлеанскому титло Генералъ-Лейтенанта Королевства.

— Въ самомъ дѣлѣ, присовокупилъ я съ чистосердечіемъ, это назначеніе не рѣшитъ всего дѣла. Васъ обожаютъ, на васъ надѣются и я увѣренъ, что національная гвардія поддержитъ васъ.

Онъ улыбнулся съ довольною миною, общею всѣмъ слабымъ людямъ при похвалѣ. — Онъ хотѣлъ было распространиться и объяснить свою мысль, какъ явился Баронъ Фенъ съ дурными новостями; 100000 войска окружало Парижъ; 60000 Вандейцевъ спѣшили на подкрѣпленіе ихъ по призыву Короля; и три дня тому назадъ телеграфомъ приказали Тулонскому флоту отправить къ Генералу Бурмону пароходъ съ приказаніемъ привести армію изъ Африки, оставивъ въ Алжирѣ только число необходимое для защиты крѣпостей.

Внутреннія извѣстія ужасали не менѣе. Въ ночь назначено было взять подъ стражу 60

депутатовъ, 40 журналистовъ, 20 адвокатовъ и множество приверженцевъ Наполеона и ветерановъ республики. Солдаты и сволочь, которымъ назначено было водрузить бѣлое знамя, имѣли тайное позволенie разграбить домы богатыхъ непрiязненныхъ людей, всякiй общественный чиновникъ, не подающiй явныхъ знаковъ своей приверженности лишался мѣста и не могъ поступить ни въ какую должность; всѣ возставшiе подвергались неминуемой смерти; пушки должны были быть заряжены картечью.

Одинъ умный человѣкъ, явившiйся ко мнѣ послѣ испуганнаго Фена, навелъ на меня еще больше тоски. Онъ только что ѣхалъ по кварталу Сен-Жанъ гдѣ депутацiи ремесленниковъ изъ предмѣстiй Св. Антонiя, Сен-Марсо, Марс и др. дружились съ воспитанниками политехнической школы; сверхъ того онъ увѣрилъ меня, что всѣ фабриканты рѣшились послѣ обѣда запереть свои заведенiя и распустить работниковъ.

Одна эта мѣра, какъ я говорилъ уже, могла рѣшить все; въ самомъ дѣлѣ она нанесла самый сильный ударъ престолу старшей линiи.

Мнѣ совѣтовали бѣжать, скрыться; и до того напугали, что я пошелъ въ кабинетъ и написалъ записку маленькому П.

»Князь! обстоятельства становятся плохи; въ эту минуту всѣ вѣрные служители Короля, всѣ истинные патріоты должны доказать свою преданность и присутствіе духа. — Я не ѣду въ Сен-Клу потому, что появленіе мое удивило бы.— Впрочемъ если Король имѣетъ нужду въ моихъ совѣтахъ, моей опытности и моемъ усердіи, я тотчасъ явлюсь, куда онъ назначитъ. Меня найдутъ въ моемъ домѣ, на улицѣ Сен-Флорентенъ въ Парижѣ, откуда не выйду иначе какъ по приказанію подписанному Королемъ.»

»Считаю лишнимъ упоминать вамъ объ опасности положенія.—Завтра еще можно будетъ укротить всеобщее негодованіе; но послѣ завтра— какъ мнѣ кажется—поздно.«

Князь слишкомъ озабоченный или можетъ быть уже растерявшійся, не отвѣчалъ мнѣ; и такъ какъ это письмо не нашлось послѣ въ его бумагахъ, то я думаю — или хочу думать— что оно не дошло до него.

На другой день интриговали мало; въ середу также—а въ четвергъ въ 3 часа по полудни народъ одержавъ побѣду удалился къ себѣ, умирающій отъ голода и усталости.

Поле на пять минутъ опустѣло и опять покрылось тѣми, которые въ теченіе этихъ четырехъ дней скрывались на чердакахъ или въ погребахъ и подвалахъ. Тотчасъ же составили было временное правительство подъ начальствомъ маркиза Л., генерала Жерара и Герцога Ш. но оно почти и не существовало. Первый не въ духѣ, не двигался впередъ; второй клялся всѣми богами, что одинъ онъ вѣренъ Королю; а третій спрятавшійся въ погребкѣ, куда перенесли его постель, провелъ тамъ пять дней и пять ночей сряду; потому что занявъ свое мѣсто во вторникъ 27-го въ 6 часовъ поутру вышелъ оттуда 1-го Августа.

Тогда то начали составлять извѣстную протестацію журналистовъ, подъ которой безсовѣстно выставили 26 числа, и нѣсколько подписей лицъ — которыя въ самомъ дѣлѣ подписались тогда, когда все уже было кончено.

Тутъ появились въ Парижѣ Бенжаменъ Констанъ, которой въ страхѣ убѣжалъ было изъ города; маленькій Тьеръ; Генералъ Себастіани; Бертенъ де Во, который въ первый день покорился цензурѣ и только по истече-

нія трехъ дней отыскалъ свою энергію; Дюпенъ старшій и другіе.

Кровь была пролита; національная гвардія снова собралась по моему совѣту; десятилѣтніе Байары, побѣдившіе Королевскую и Швейцарскую гвардію сами удивлялись своему геройству и очень затруднялись могуществомъ, которое пріобрѣли своими подвигами. Не было ни администраціи, ни магистратуры, ни полиціи, ни министерства и къ этому времени какъ нельзя лучше можно было принаровить изреченіе изъ Библіи: Въ то время не было судіи въ Израилѣ и всякой дѣлалъ что хотѣлъ.

Однимъ словомъ господствовала удивительная анархія. — Воры, пойманные съ уликою, тотчасъ же были наказываемы. Г. Л. Л. видѣлъ какъ остановили на Феррайльской набережной вора, отнявшаго у ребенка узелъ съ бѣльемъ. Тотчасъ тутъ же на тротуарѣ собралось судилище; выслушали свидѣтелей, выслушали защищенія обвиненнаго, но улика была на лице. Его обыскали и въ карманахъ нашли краденыя вещи: часы, табакерки, цѣпочки, носовые платки; общій голосъ произнесъ рѣшеніе и черезъ десять минутъ, въ которые обвиненный имѣлъ время поручить душу свою Богу, граждане, жандармы, сви-

дѣтели сдѣлались исполнителями правосудія. Приставивъ вора къ парапету, разстрѣляли и трупъ бросили въ Сену, которая понесла его по теченію.—

Такъ какъ однако hotel de ville перешелъ временно во власть народа, то нѣкоторые вздумали учредить временное правленіе. Генералъ Дюбуръ болѣе другихъ заслуживалъ первое мѣсто, но онъ зная, что должно еще взять Тюйльри — прогнать Королевскую Гвардію, мало заботился объ этомъ правленіи и предводительствовалъ ремесленниками и дѣтьми— настоящими героями того времени.

Таково было положеніе дѣлъ а Е. К. В. Герцогъ Орлеанскій оставался въ Нельи. Знали уже, что Герцогъ Шартрскій предложилъ Дофинѣ свой полкъ и свои услуги и этотъ поступокъ болѣе благородный, нежели политическій, могъ помѣшать новой революціи, которую я обдумывалъ.

Дни утекали; прошли понедѣльникъ, вторникъ, среда, четвергъ, пятница — и мы снѣдаемые безпокойствомъ пѣли романсъ Нины.

Helas, helas, helas!
Le bien aimé ne vient donc pas !—

А присутствіе его было необходимо. Францу-

зу мучительно оставаться въ одномъ положеніи; пока можно было драться, потомъ поздравлять другъ друга съ побѣдою, разсказывать подвиги,—ни о чемъ другомъ не думали; но когда успѣли поговорить, похвастать, понировать вслѣдствіе побѣды, похоронить убіенныхъ, поплакать надъ ними, — то увидали свое бездѣйствіе; увидали также, что тронъ былъ не занятъ и что надлежало или возвесть на него новаго Короля, или основать республику.

Въ субботу поутру я послалъ за человѣкомъ въ толстыхъ сапогахъ—за самымъ самолюбивымъ изъ всѣхъ спасителей Франціи; расхвалилъ его красоту, прелесть, краснорѣчіе. Принцъ, сказалъ я ему, вѣритъ вамъ; спасите его отъ людей, которые мѣшаютъ ему своей чрезмѣрной любовью. Скажите ему, что Парижъ принялъ твердое намѣреніе; что поступокъ его не есть скоропреходящее ослѣпленіе.

Безкорыстный адвокатъ выслушалъ меня и понялъ; въ немъ было довольно проницательности и онъ тотчасъ расчелъ, не хуже брата своего Барона, сколько выгодъ онъ могъ извлечь изъ этого почетнаго посольства.

И такъ Г. Д.. будучи увѣренъ, что дороги свободны и что ружейные выстрѣлы не раздавались уже на улицахъ и вдоль бульваровъ, и испытавъ испугъ не болѣе 12 разъ, счастливо и благополучно достигъ до Нёльи.

Тамъ родственная нѣжность, обыкновенно увеличивающая опасности, не позволяла главѣ семейства поспѣшить на помощь къ своимъ согражданамъ, которые взявъ Тюйльри не знали что дѣлатъ съ своимъ завоеваніемъ.

Г. Д. по своему обыкновенію говорилъ очень долго, прежде нежели могъ убѣдить нѣжную и любящую сестру принять его сторону. — При появленіи Е. К. В. дѣло было выиграно; какъ легко было моему посланнику, соединивъ свои мысли съ моими, говорить съ убѣжденіемъ и увѣрить великаго Принца, которому Франція тогда только узнаетъ цѣну, когда принуждена будетъ оплакивать его потерю.

Съ отеческою и трогательною важностію произнесъ эти слова Е. К. В. Супруга его заплакала; три дочери также а madame Аделаида, отвративъ взоры, старалась почерпнуть твердость въ своемъ чистомъ благородномъ сердцѣ.

Герцогъ обратился къ нимъ и сказалъ обнимая ихъ:

—Будьте тѣмъ, чѣмъ вы должны быть; люди моего званія должны умѣть жертвовать собою для благоденствія народовъ; къ тому же я долженъ помочь моимъ добрымъ родственникамъ. Они поссорились съ Парижемъ и я употреблю всѣ средства для примиренія.

Кажется, что эта послѣдняя причина подѣйствовала наиболѣе на умъ супруги Е. К. В. Она перестала плакать и начала припоминать своему супругу всѣ одолженія, полученныя ими отъ Короля, Дофина, Дофины и Герцогини Беррійской. — Въ эту минуту въ сердцахъ И. К. В. такъ мало было мыслей о вступленіи на престолъ, что они говорили только о средствахъ примирить Королевскую фамилію съ народомъ. —

Посланникъ мой, пѣшій Меркурій, слушая эти рѣчи, смѣялся поодаль себѣ подъ носъ — потому что зналъ, что если Е. К. В. только покажется въ Парижъ, то всѣ вокругъ него заговорятъ иначе; что его призывали не для того, чтобы возстановить старшую отрасль дома на престолѣ — но для того, что бы отдать его младшей линіи того же дома.

Но въ тогдашнихъ обстоятельствахъ онъ не могъ и не хотѣлъ объяснить своихъ мыслей; цѣль его была въ томъ, что бы вымапить Герцога Орлеанскаго изъ его убѣжища и поставить среди множества разнородныхъ мнѣній, которыя при его появленіи соединились бы въ одно, — чего можно и должно было надѣяться Г. Д... удовольствовался тѣмъ, что увѣрилъ семейство Герцога въ томъ, что Е. К. В. не предстоитъ никакой опасности. Онъ ясно представилъ имъ всю умѣренность этой революціи, въ которой первымъ стараніемъ было обезопасить государственное казначейство, банки, конторы отъ всякаго нечаяннаго нападенія, отъ всѣхъ покушеній жаднаго грабительства, которое раньше всѣхъ просыпается во время революціи.

Не смотря на необходимость своего присутствія въ Парижѣ Герцогъ могъ собраться только при наступленіи ночи, къ 9 часамъ вечера.—Онъ отправился пѣшкомъ въ сѣромъ рединготѣ, въ круглой шляпѣ и съ зонтикомъ подъ мышкою —Этакой зонтикъ необходимая принадлежность каждаго Парижанина; онъ сопровождаетъ своего хозяина въ школу, бываетъ свидѣтелемъ его брака, всѣхъ эпохъ его жизни и наконецъ вмѣстѣ съ нимъ ложится въ одну могилу.

Г. Д. сказалъ правду Е. К. В. не предстояло никакой опасности.—Его узнали на всѣхъ баррикадахъ, оберегаемыхъ сильными отрядами инсургентовъ и вездѣ приняли съ любовью и уваженіемъ. Наконецъ онъ вступилъ въ Пале-ройяль, какъ представляетъ картина Горація Верне, въ маленькую дверь гражданскаго отдѣленія, находящагося въ Пале-ройялѣ у перекрестка улицъ Ришлье и Сент-Оноре; многимъ показалось это вступленіе предвѣщаніемъ того, что будетъ новая монархія: смѣсью монархическаго величія и гражданской простоты.

ГЛАВА IX.

Рогатки. Описаніе шествія кортежа въ Отель де вилль. Крикъ vive le roi! заглушаетъ прочіе крики.—Что дѣлалось въ Отель де вилль.—Столпотвореніе Вавилонское.—Изумленіе юной Франціи. Безбородые республиканцы затѣваютъ междуусобную войну.—*Silence aux quarante moutards*? Обманутое честолюбіе Г. Лафита. Носилки—Претензіи и уступка *героя двухъ частей свѣта*.—Возвращеніе Герцога въ Палеройаль.—Положеніе дѣлъ въ Сен-клу. Отреченіе Короля и Дофина. Портретъ Герцога М. Слабость и ошибки его. Смятеніе, пороки, низости, запечатлѣвшія эпоху ГГ. К. и Г.

Рогатки, разставленныя по улицамъ, въ числѣ трехъ тысячь, были совершенно сняты только къ 15 Августу. До того времени сняты были только самыя неудобныя, но 1-го числа въ Воскресенье всѣ онѣ еще оставались.

Въ то время, когда Е. К. В. Герцогъ Орлеанскій отправился изъ Палеройаля въ Отель де вилль—однѣ рогатки напоминали о происшедшемъ. Онѣ мѣшали сообщенію, ѣздѣ каретъ, всѣхъ экипажей, и потому шумный оживленный Парижъ казался въ то время погруженнымъ въ какое то могильное спокойствіе, которое ужа-

сало и заставляло думать, что всѣ жители пали на полѣ битвы, и что остальная часть, оставшаяся въ живыхъ, удалилась навсегда изъ своего родимаго города.

Впрочемъ на набережныхъ вплоть до моста Людовика XVI было просторно: не болѣе пяти или шести рогатокъ затрудняли сообщеніе. Герцогъ съ кортежемъ отправился по этой единственной дорогѣ, и юноши и дѣти, которыхъ храбрость поставила въ то время на ряду съ нашими ветеранами, бѣжали впереди и опрокидывали рогатки, которыя сами съ такимъ тщаніемъ устроивали. Толпа безпрерывно увеличивалась; кое-гдѣ раздавались крики: да здравствуетъ республика, да здравствуетъ Лафайетъ!—заглушаемые криками: да здравствуетъ Король, да здравствуетъ хартія!—наконецъ около Гревской площади раздался одинъ всеобщій оглушающій крикъ: да здравствуетъ Король!—и этотъ какъ какъ молнія поразилъ разнохарактерныя и разномыслящія группы, собравшіеся възалахъ Saint-Sean, du Trôneu des Tastes, въ Отель де виллѣ.—Тамъ царствовало какое то столпотвореніе Вавилонское; создавалось болѣе 30 програмъ новаго правленія; потому что каждый безбородый или вооруженный законодатель дѣлался своевольно главою

правленія. Въ то время, повторяю, *не было судіи въ Израилѣ и всякій дѣлалъ что хотѣлъ.*

Посудите теперь объ изумленіи этой дюжины дюжинныхъ и своевольныхъ правительствъ. Сначала они удивились этимъ крикамъ и этой радости; потомъ единодушіе криковъ испугало ихъ, наконецъ привело въ негодованіе безбородыхъ и бородатыхъ послѣдователей юной Франціи, которые надѣялись сдѣлаться первыми людьми. Они уже раздѣлили было между собою правленіе—роздали другъ-другу роли и дожидались поединковъ междоусобной войны, анархіи, пожаровъ, грабительствъ, судилищъ, эшафотовъ—и прочихъ неизмѣнныхъ спутниковъ революціи. Они не могли придти въ себя отъ удивленія, въ которое повергнулъ ихъ народъ, который правленію умѣреннаго Губерта, философа Трела и безкорыстнаго карбонара Барта, предпочелъ благородство, возвышенность души и общественнаго положенія мудрость и опытность Герцога Орлеанскаго.

Сначала эти молодые безумцы вздумали было противиться общему желанію—и возгласили имена Мара и Робеспьера; но умные и твердые люди стенторскимъ голосомъ прикрикнули на нихъ: ***Silince aux quarante moutards!*** Сказано и сдѣлано!—Замолчали, присоедини-

лись къ кортежу и старались привлечь на себя вниманіе новаго властителя притворными изъявленіями радости. — Санкюлоту Барту посчастливилось, и онъ впослѣдствіи согласился, что лучше ходить въ симаррѣ, нежели сквозь прорѣхи этого одѣянія выказывать патріотизмъ и рубашку.

Болѣе всѣхъ были недовольны этою развязкою революціи ГГ. Лафайетъ и Лаффитъ, которымъ обоимъ хотѣлось президентства. Послѣдній увидѣлъ себя принужденнымъ повиноваться Герцогу, котораго еще наканунѣ онъ надѣялся быть по крайней мѣрѣ товарищемъ; негодованіе его явственно выказывалось тѣмъ болѣе, что для отличенія отъ товарищей онъ велѣлъ принести себя въ носилкахъ, что порядкомъ всѣхъ насмѣшило, ктомуже Бенжаменъ—Констанъ, Шовленъ и другіе, обрадовавшіеся удобности такаго экипажа, начали употреблять его къ великому отчаянію великаго гражданина, который не имѣлъ уже монополіи привлекать на себя взоры всѣхъ и отправился потомъ въ своей тріумфальной колесницѣ у лошади Герцога Орлеанскаго.

Лафайетъ съ своей стороны соединившійся въ Отель де виллѣ съ Герцогомъ Шоазейлемъ

и генераломъ Жераромъ, безпрестанно ожидалъ депутатаціи отъ 48 отдѣленій, на которыя былъ раздѣленъ Парижъ въ революціонное время; эта депутація, усиленная національною гвардіею, должна была, по его мнѣнію, учредить республику и провозгласить президентомъ *героя обѣихъ частей свѣта;* какъ будущій президентъ онъ былъ увѣренъ, что избирательная палата администраціи и армія подтвердятъ этотъ выборъ; къ тому же толпа продажныхъ друзей, льстецовъ и интригантовъ поддерживали это безумное ослѣпленіе.

Должно признаться, что оно скоро разсѣялось; и только лишь онъ самъ увидѣлъ въ радости и единодушіи толпы доказательство справедливаго выбора націи, то тотчасъ же, какъ честный человѣкъ и добрый гражданинъ, отказался отъ своей химеры и не захотѣлъ служить знаменемъ толпѣ молодыхъ безумцевъ, не имѣвшихъ другихъ правъ кромѣ своего самолюбія и своихъ смѣшныхъ претензій.

Я уже говорилъ какимъ образомъ они пробудились отъ своего сна.—Лафайетъ съ учтивостію и приличіемъ, какъ истинно образованный человѣкъ, подошелъ къ своему новому Королю просто, почтительно; потомъ, не изъ хвастовства, но снисходя на желаніе Герцога

Орлеанскаго вышелъ съ нимъ вмѣстѣ на балконъ Отель де вилля. — Народъ шумѣлъ и волновался на Гревской площади и съ радостію увидѣлъ своего новаго Короля, дружески стоящаго рядомъ съ ея президентомъ Республики.

По окончаніи этого и рѣчи Генерала Дюбура, монархическая власть началась. Вотъ все происшедшее въ Отель де виллѣ во время этого посѣщенія, которое надѣлало столько шуму и о которомъ говорили такъ различно; еще должно упомянуть о всеобщемъ представленіи въ пользу новаго Короля, хотя Герцогъ Орлеанскій до 9 Августа назывался только Генералъ Лейтенантомъ Королевства.

Возвращеніе Е. К. В. въ сопровожденіи Г-на Лафайста, звѣзды затмившейся и занявшей второстепенное мѣсто, было новымъ тріумфомъ; республика исчезла невозвратно и монархія утвердилась.

До сихъ поръ я ничего не упомянулъ о послѣднихъ дѣлахъ бывшаго правительства и о мѣрахъ употребленныхъ для уничтоженія гибельныхъ предписаній. Маленькій П. оглушенный сопротивленіемъ народа, вовсе потерялся, какъ всѣмъ извѣстно. Не способный къ

дѣятельности, къ сопротивленію, увлеченный потокомъ, онъ тонулъ, говоря, что не виноватъ въ томъ; власть его исчезала и онъ не хотѣлъ выпустить ее изъ рукъ, исчезая съ нею вмѣстѣ.

Со стороны Короля никто не умѣлъ дѣйствовать; маршалъ М. побѣжденный въ Парижѣ, оскорбленный Герцогомъ Ангулемскимъ, осмѣянный Дворомъ—не могъ исполнить своихъ плановъ. Министры, оставленные Королемъ, почли обязаностію удалиться и просили Короля назначить новый кабинетъ.

Тогда появился человѣкъ съ громкой репутаціей и бѣдными средствами, одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ почитають искусными, потому что имъ все удавалось—и которые принявъ участіе въ волненіяхъ, доказываютъ свою слабость и неспособность; сердца безъ энергіи, безъ убѣжденія, которыя приносятъ вредъ своей партіи и пользу противной и наконецъ лишаются всякаго уваженія. Такимъ явился въ эту эпоху робкій, неспособный, несчастный Герцогъ М.

При дворѣ его, Богъ знаетъ почему, считали политикомъ, дипломатомъ, человѣкомъ испытаннаго благородства и сверхъ-естественнаго

моральнаго мужества. Нѣсколько лѣтъ удивлялись, почему онъ не предсѣдательствуетъ въ министерствѣ, почему Король неизбираетъ его главою Правительства и близорукіе приписывали этой забывчивости Короля всѣ смятенія Франціи; по словамъ нѣкоторыхъ зѣвакъ, Герцогу стоило только сказать Нептуново слово: Quos ego.... что бы утишить всѣ непріязненные вѣтры революціи: Парижъ и Франція, не разъ обманываемые смѣшными возгласами придворныхъ также ожидали многаго отъ посредничества Герцога.

Онъ заранѣе безмятежно пользовался славою. Вдругъ къ несчастію Карлъ X поручилъ ему составить новое министерство, обнародовать уничтоженія предписаній и вести переговоры съ начальниками противной партіи. Герцогъ М. пораженный паническимъ страхомъ дрожитъ и боится каждой встрѣчающейся толпы; плачь ребенка, мяуканье кошки, кажутся ему голосомъ убійцъ; онъ сдѣлаетъ шагъ впередъ и два назадъ—и наконецъ потерявшись отъ страху, отдаетъ инструкціи Короля побѣдителямъ, умоляетъ о пропускѣ, вмѣсто того чтобы исполнять Королевскія порученія и своимъ робкимъ трусливымъ поведеніемъ совершенно уничтожаетъ послѣднія надежды Карла X;—

играетъ двусмысленную роль, становится, по пословицѣ, ни рыбою, ни мясомъ—и исчезаетъ какъ метеоръ тихо и непримѣтно.

Изумленный слабостію противниковъ, внезапной измѣной дипломатовъ, администраторовъ, я подумалъ, что не слишкомъ славно было одержать такую легкую побѣду.

Августа 3 собралась Палата Депутатовъ и утвердила Герцога Орлеанскаго Генералъ—Лейтенантомъ Франціи; потомъ приняла отреченіе Карла X и Дофина въ пользу Герцога Бордосскаго,—и наконецъ слабѣйшая часть Палаты совершила все, потому что прочіе члены Палаты выражали своимъ молчаніемъ согласіе: Qui ne dit mot, consent.

Въ 1814 и 1815, 18 брюмера, 18 фруктидора и особенно въ 1792 я былъ свидѣтелемъ дѣлъ постыдныхъ, низости, корыстолюбія. Но увидѣвъ происходившее въ 1830, я принужденъ признаться, что ничего не видалъ прежде. Никогда и нигдѣ не произошло столько гнусныхъ интригъ, столько ложныхъ добродѣтелей; безстыдство и низости были невѣроятны; всѣ взапуски лезли къ должностямъ, званію, богатству. Франція сдѣлалась добычею безстыдныхъ негодяевъ, которые не имѣя ни

права, ни добродѣтели, ни талантовъ, ни чести, стремились ко всему и все захватывали. Всякаго администратора называли карлистомъ, или мятежникомъ, врагомъ новаго правленія— а обвинитель былъ часто человѣкъ, извѣстный пороками и развратомъ.

Мнимые мудрецы, философы не отставали отъ прочихъ. Г. К. прикидывавшійся стоикомъ поглотилъ всѣ званія, должности, почести, которыя ему надавали.—Г. послѣдовалъ его примѣру и сдѣлалъ еще хуже, потому что заразилъ администрацію во всѣхъ ея отрасляхъ людьми безумными или безстыдными; женщины, близкія къ нему, раздавали должности красавцамъ, или щедрымъ; каждый журналистъ сдѣлался префектомъ; каждый литераторъ, посѣщавшій таверны, биліардныя, трактиры, сдѣлался великимъ человѣкомъ.

Въ провинціяхъ раздался всеобщій крикъ негодованія; но пока Д. Г. и Л. были при дѣлахъ, нельзя было перемѣнить ходъ дѣла.

Цѣлый годъ Франція извергала на Парижъ просителей, которые почти всѣ были недостойны должностей, къ которымъ такъ жадно стремились.—Знатные дѣлали еще хуже: всѣ они нуждались въ деньгахъ и гдѣ только мог-

ли,—брали взятки. Кто видѣлъ на примѣръ такіе безсовѣстные поступки: министръ, получившій по утру министерство, квечеру присвоивалъ себѣ первую военную должность; что сказать о такомъ времени когда всѣ отправлявшіеся въ Алжиръ честными людьми, возвращались оттуда взяточниками; когда телеграфъ обогащалъ государственныхъ людей; когда Маршалъ не стыдился объявлять на трибунѣ, что жалованье ему дороже жизни и даже, подразумѣвая, чести; когда противъ всякаго права, Богъ знаетъ за что, выплатили Американцамъ 25,000,000, когда Генералъ дѣлался повивальной бабкой; когда въ Палату Депутатовъ входили съ ложными свидѣтельствами о происхожденіи; когда извѣстный всѣмъ незаконнорожденный принималъ извѣстную законную фамилію?

Таковы были, должно прізнаться, первыя эпохи Іюльской революціи.

ГЛАВА X.

Монархія и республика. Египетъ, Турція и республики Сѣверной и Южной Америки. Республиканскій и Монархическій образъ правленія.

Монархическое правленіе есть залогъ всеобщаго благосостоянія и спокойствія; при немъ можно устроить свою фамилію, пріобрѣсть состояніе, при немъ нѣчего бояться насилія, ссылки, эшафота, — если частные люди сами уважаютъ законы, повинуются имъ, и не соединяются съ безумными заговорщиками.

Вотъ сколько блага приноситъ монархическое правленіе. Помните, Французы, какова была республика съ 14 Іюля 1789 до 18 Брюмера! Какъ несчастны подъ республиканскимъ правленіемъ американскія государства; какъ опустошены онѣ междоусобною войною и анархіею. Тамъ заключаютъ въ темницы гражданъ, зарѣзываютъ, ссылаютъ ихъ, — разоряютъ дѣтей, конфискуя имѣніе родителей, зажигаютъ дома, города, жатвы; тамъ возбужденныя страсти дѣлаютъ личнаго врага, врагомъ Го-

сударства; обвиненіе служитъ уликою; никто не можетъ уснуть спокойно, потому что ненависть, злость и мщеніе могутъ прервать сонъ каждаго; тамъ сильный преступникъ смѣется надъ безсиліемь законовъ; не ищите тамъ ни личной безопасности, ни торговли, ни ремеслъ, ни земледѣлія; науки неизвѣстны или находятся въ уничиженіи; тамъ нужны только сообщники и солдаты; искуства бѣгутъ изъ негостепріимной земли, въ которой не находятъ себѣ подпоры.—Въ этихъ республикахъ царствуетъ недовѣрчивость, гордость и невѣжество: горе человѣку богатому, благородному, любимому; достоинство неумѣстно, блестящія качества опасны, добродѣтели считаютъ пороками, потому что добродѣтель слишкомъ рѣзко отличается отъ порока. Слово навлекаетъ подозрѣніе,—наказаніе не дожидается увѣренности въ винѣ; наконецъ, какъ говоритъ Дюси про Венецію

La les bourreaux sont prêts quandà le soupçon commence.

Вотъ истинное изображеніе республикъ: Перу, Хили, Парагвая, Мексики, Вальпарезо, Гаити и др. Тамъ происходитъ все то, что происходило у насъ въ ужасную эпоху, которую безумцы хотятъ возвратить. Монархія, даже дурно управляемая — есть храмъ мира и счастія въ сравненіи съ наилучше образован-

ною республикою новыхъ временъ. — Всякой, кто дорожитъ своимъ спокойствіемъ, состояніемъ, своею независимостію и жизнію, рѣшится жить лучше въ Константинополѣ, или Каирѣ, нежели въ республикѣ. Султанъ Махмутъ и Мегеметъ Али строги, но справедливы; они не грабятъ купцовъ и путешественниковъ, что ежедневно случается въ республикахъ новаго свѣта. Въ Турціи, въ Египтѣ есть владѣтель, есть законы, которымъ все повинуется; въ республикахъ законы наказываютъ только безсильныхъ; словомъ, подъ правленіемъ монархическимъ все мудро и прочно; и все невѣрно и непрочно въ мѣстахъ, въ которыхъ анархія царствуетъ подъ именемъ республики.

ГЛАВА XI.

Одиночество Королевской фамиліи. Она покидаетъ Францію. Безпокойство побѣдителей. Я успокоиваю ихъ. Потеря воинственности въ Дворянствѣ. Вечеръ въ Тюильри. Ловкость купцовъ. Отчаяніе дамы. Другъ и прибыльное мѣсто, анекдотъ 1830. Кабинетъ министровъ въ 1830. 33 министра въ пять мѣсяцевъ. Окончаніе записокъ Князя Таллерана. Нѣкоторыя черты его.

Извѣстно какимъ образомъ Карлъ X и его семейство оставили Францію и какъ никто не принялъ ихъ сторону. Они отправились изъ Сен-Клу черезъ Тріанонъ въ Рамбулье, который сдѣлался для нихъ Фонтенбло, потому что въ немъ подписали они свое отреченіе.

Внутренняя революція кончилась 15 Августа, потому что съ 9-го царствовалъ уже новый Король, тогда какъ Карлъ X въ этотъ самый день сѣлъ на корабль въ Шербургѣ и навсегда покинулъ Францію.

Все это представляло грустное и величественное зрѣлище; каждый умный человѣкъ не могъ придти въ себя отъ удивленія. Какъ! —

столько силы и безсилія! — Этотъ Король, котораго такъ любили, внукъ его, котораго привѣтствовали при рожденіи съ такимъ восторгомъ — въ роковую минуту оставлены всѣми тѣми, которые наканунѣ клялись умереть за нихъ. Есть Провидѣніе, которое въ рукахъ своихъ держитъ судьбы человѣчества, одушевляетъ храбростію дѣтей и дѣлаетъ мудрецовъ безумными — когда пробьетъ часъ его правосудія и гнѣва.

Парижъ былъ увѣренъ въ побѣдѣ и не вѣрилъ ей; побѣдители безпокоились. Что теперь случится? спрашивали меня,—не возмется ли Вандея за оружіе? Западныя, южныя и сѣверныя провинціи не послѣдуютъ ли ея примѣру?

— Никто не тронется съ мѣста, отвѣчалъ я; непріятели ваши умные люди и скажутъ, что не могутъ рѣшиться ни на что безъ приказанія.

— Но если Бурбоны обратятся къ нимъ?

— Тогда они заговорятъ другое; но никогда не возьмутся за оружіе: французское дворянство уже не воинственно съ того времени, какъ сбросивъ шлемъ и латы, перестало заниматься турнирами и свои феодальные замки преобразило въ италіянскія виллы. Воинскій духъ угасъ съ того времени, какъ дворяне, покинувъ

свои земли, явились ко Двору, начали разорять-ся на игру и женщинъ; наши дворяне теперь все что вамъ угодно — только не воины.

Новая монархія представляла во внутреннемъ отношеніи странное зрѣлище. На первомъ ве-черѣ въ Тюйльри, всѣ подумали, что свѣтъ обо-ротился вверхъ дномъ; на этотъ вечеръ вдругъ нагрянули всѣ знаменитости улицъ: des Lom-bards, de la Verrerie, кварталовъ Saint Dinis— Saint Martin и проч. (*)

Для обычайныхъ гостей всего труднѣе было воздержаться отъ смѣха. Представьте себѣ ге-роевъ и героинь романовъ Поль де Кока на мѣстѣ нашихъ герцогинь, маркизъ, вельможъ; представьте себѣ всю лавочную ловкость, всѣ прекрасныя магазинныя манеры новыхъ по-сѣтителей! — Въ одномъ мѣстѣ громогласные разговоры, въ другомъ семейныя ссоры; а здѣсь какой нибудь содержатель дастъ свой адрессъ Маршалу Франціи.

Далѣе, буфетъ осажденъ жадною толпою, которая вмигъ поѣдаетъ и выпиваетъ все за-готовленное; прохаживаются подъ руку, пред-лагаютъ табачку князьямъ и удивляются, что они не нюхаютъ. Нѣкоторые были въ отчая-ніи отъ этой сатурналіи и я успокоивалъ ихъ

говоря: я думаю, что Францiя стоитъ полновѣсной радости этихъ господъ. Ктому же манеры ихъ не выказываютъ непрiязни: они только думаютъ, что постигли все изящество лучшаго круга, ктомуже такъ чистосердечно радуются, что втерлись въ Тюйльри—что право можно простить имъ на этотъ разъ. Современемъ когда всѣ обыкновенные посѣтители сберутся по прежнему, эти господчики увидятъ себя не на своемъ мѣстѣ; сами удалятся отъ насъ и мы опять останемся въ своемъ обществѣ.

— Дай Богъ! сказала одна почтенная дама; это невыносимо.

Въ это самое время одинъ довольно значительный чиновникъ Г. Б... встрѣчаетъ своего друга и благодѣтеля, который говоритъ ему:

— Мнѣ везетъ, я получу выгодное и доходное мѣсто; требуютъ только одного, а именно, чтобы вы попросили за меня и увѣрили въ моей способности.

— Но развѣ это мѣсто такъ выгодно? сказалъ Г. Б... васъ обманули; оно гораздо хуже того, которое я теперь занимаю.

—Вы ошибаетесь, другъ мой; оно кажется незначительнымъ, а въ самомъ дѣлѣ превыгодное.

Проситель такъ хорошо объяснилъ все дѣло, что Г. Б — увѣрился, что это мѣсто золотая руда. — Онъ обнялъ своего благодѣтеля и сказалъ ему:

— Не могу вамъ выразить, какъ я счастливъ вашею довѣренностію и какъ радъ случаю услужить вамъ. — Я вамъ много обязанъ и съумѣю быть благодарнымъ; но вотъ условіе: вы знаете, что я въ силѣ — поклянитесь мнѣ честію, что не оскорбите меня и не станете просить о томъ другихъ. Предоставьте мнѣ одному услужить вамъ: поѣзжайте на недѣлю; не видя васъ въ Парижѣ, никто не захочетъ вредить вамъ — а я не стану терять ни минуты.

Г. П. считая долгомъ слѣдовать во всемъ совѣтамъ своего друга, отказывается отъ всѣхъ покровителей, благодаритъ ихъ,—даже ссорится съ нѣкоторыми и уѣзжаетъ изъ Парижа.

Г. Б. тотчасъ же отправляется къ министру и говоритъ ему:

— Я слышалъ ужасную новость. П. надѣлалъ скверныя дѣла, обманулъ своихъ кредиторовъ и разгласилъ, что купилъ у васъ за деньги мѣсто.... но дѣло открылось и П. вчера вечеромъ убѣжалъ. Дайте мнѣ это мѣ-

сто, которое ниже моего теперяшняго и располагайте моимъ: я не честолюбивъ.

Министръ согласился на обмѣнъ и Б.— написалъ къ П. письмо:

»Мы оба несчастливы; у меня отняли мое мѣсто и дали ваше, которое какъ думаютъ незначительнѣе, я долженъ принять его — или лишиться навсегда всякаго мѣста. Будьте увѣрены, что я употреблю всѣ средства, чтобы помѣстить васъ — а до того времени предлагаю быть моимъ секретаремъ по новому мѣсту. Вы должны будете заплатить только 6000 франковъ. Я очень несчастливъ, другъ мой, но смѣю увѣрить васъ въ моей вѣчной благодарности.

Взбѣшенный П. сердится, кричитъ, надъ нимъ смѣются — а Б. получаетъ репутацію хитраго и оборотливаго человѣка.

Король, поклявшись на хартіи, составилъ совѣтъ министровъ слѣдующимъ образомъ: *Юстиція*: Дюподъ де Л'Еръ; *внутреннія дѣла:* Брогли; *иностранныя:* Биньонъ; *военныя*: Жераръ; *финансы:* Луи; *морскія*: Риньи; *народное просвѣщеніе:* Гизо; *торговля:* Сен-Кринъ.

Они были честные но неспособные люди, и къ концу года начли 33 министра, которые занимали различныя мѣста. По министерству юстиціи Бартъ вступилъ на мѣсто Дюпона; Г Г. Гизо и Монталльe были министрами внутреннихъ дѣлъ послѣ Герцога Брогли; въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ послѣ Биньона засѣдали: маршалъ Журданъ, Графъ Моле, маршалъ Мезонъ, Графъ Себастіани. Въ военное министерство послѣ Жерара вступилъ Сультъ. — .Г Лафиттъ сдѣлался министромъ финансовъ и предсѣдателемъ Совѣта и т. д.

Повторяю: въ пять мѣсяцовъ перемѣнились тридцать три министра, не считая государственныхъ министровъ, какъ то: Дюпена старшаго, Бенжаменъ Констана, Казимира Перье, который одинъ стоилъ ихъ всѣхъ, Маркиза Лафайета и проч.

Какое время! каждой день происходили смятенія и въ Европѣ думали, что вся Франція горитъ.

Сколько ничтожныхъ людей возвысилось въ это время! — Революція 1830 не произвела ни одного генія, ни одного прекраснаго характера; такъ какъ адвокатство и меркантильность были ея сущностью, а золото цѣлью, то есте-

ственно, что мы сжались вмѣсто того, чтобы развернуться, и всякой вмѣсто того, чтобы стремиться къ высокому, началъ стремиться къ выгодному и положительному.

Да! это была несчастная эпоха; тѣ, которые вступили въ нее съ нѣкоторою славою, скоро исчезли въ ея сумеркахъ; еще хорошо, что иные предавались этому безумству и не подвергали себя огласкѣ, какъ то случилось съ нѣкоторыми моими знакомыми. . . . .

Этимъ оканчивается рукопись Князя Таллерана, котораго до послѣдней минуты преслѣдовала увѣренность, что нашъ вѣкъ не въ состояніи произвести великаго человѣка.

Въ самомъ дѣлѣ, чего ожидать отъ вѣка, въ которомъ господствуетъ одна мысль: обогащенія, гдѣ средоточіемъ всего сдѣлалась биржа, на которую сбираются Князья, Перы, Депутаты, духовные, литераторы, артисты, женщины, богачи, бѣдняки, гдѣ презираютъ не плута, а того, кто не хочетъ знаться съ плутомъ; что ожидать отъ эпохи, которую такъ хорошо выразилъ одинъ сочинитель:

Et je soupe fort bien à coté d'un fripon.

Князь Таллеранъ умеръ спустя 8 лѣтъ послѣ революціи. Его нѣсколько разъ описывали — и все не вполнѣ. — Невольно спросишь

себя: какое чувство двигало его душою, если не захочешь признать эгоизма единственною пружиною его долгаго существованія? Князь Таллеранъ не былъ ни епископомъ, ни роялистомъ, ни республиканцемъ, ни бонапартистомъ, ни либераломъ, ни якобинцемъ, ни Орлеанистомъ, ни философомъ въ сущности—но былъ тѣмъ или другимъ смотря по обстоятельствамъ. — Напрасно говорятъ, что онъ служилъ всѣмъ партіямъ — нѣтъ! — но всѣ партіи онъ употреблялъ въ свою пользу.

Онъ былъ прекраснымъ Государственнымъ человѣкомъ — но изъ всѣхъ качествъ Дипломата — ему недоставало одного: краснорѣчія. Каждая длинная рѣчь, которую приготовлялъ онъ для произношенія, принадлежитъ ему по мыслямъ, но не по формѣ. Это доказывается различіемъ слога въ разныхъ его сочиненіяхъ.

За то ничто не могло сравниться съ умомъ, а наипаче съ остроуміемъ Князя; разговоръ его былъ настоящій фейерверкъ; фразы — настоящія летучія мысли;—а слова разноцвѣтныя искры.

Однажды какъ я поздравляла его съ острымъ словцомъ, которое пересказалъ мнѣ Миллевоа — онъ отвѣчалъ съ досадою:

— Я уже двѣ недѣли никого не видалъ и не открывалъ рта.

— Багатымъ даютъ взаймы! сказала я.

— Да! отвѣчалъ онъ; но гораздо чаще отъ нихъ отнимаютъ то, чѣмъ они дорожатъ и въ награду приписываютъ имъ глупости, которыя глупцы принимаютъ за чистую монету.

— Ахъ, Князь, вы уменьшаете цѣну вашего подарка! вскричала я, держа въ рукахъ подаренный имъ мнѣ манускриптъ его записокъ.

— Какимъ же образомъ?

— Скажутъ, что я издала свое сочиненіе подъ вашимъ именемъ.

— Успокойтесь! тѣ, которые не увидятъ меня въ моемъ сочиненіи, не поймутъ его; а тѣ, которые знаютъ меня, узнаютъ и подъ вашимъ именемъ.

Этими словами Князя заключу я четвертую и послѣднюю часть его записокъ.

Конецъ IV и послѣдней части.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.